ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

4 / 2002

Журнал «Человек. Сообщество. Управление»
Научно-информационный журнал

№ 4, 2002

Учредитель – Кубанский государственный университет

Содержание

Представление номера 2

Политическое управление

Кольба А.И., Кольба Н.В.
Выборы в Законодательное Собрание Краснодарского края в контексте трансформации региональной политической системы 5

Скобликова Е.В.
Интернет как PR-ресурс политического управления 19

Человек в мире

Арламов А.А.
Трансформация педагогических объектов на основе психологических знаний (методологический аспект) 34

Местные сообщества

Терешина М.В.
Усиление экологической составляющей в развитии муниципальных образований: проблемы, тенденции, перспективы 58

Кафедра

Совершенствование управления в вузах: российский и зарубежный опыт 73

Кимберг А.Н.
Университеты: противоречия развития 107

Aspirantium opera

Андреева Н.В.
Методы оценки эффективности инвестиций в высшую школу 123

Дорофеев В.С.
Проблемы освоения природных ресурсов 127

Эссе

Сазантович А.Б.
Портрет молодого консерватора 131

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Дорогие читатели!

Перед вами последний, четвертый номер журнала за 2002 г. На рубеже своего пятилетия журнал стал фактом университетской жизни, получил признание в научном сообществе.

В этом номере представлены работы молодых политологов – А. И. Кольбы и Н. В. Кольбы «Выборы в Законодательное Собрание Краснодарского края в контексте трансформации региональной политической системы» и Е. Скобликовой «Интернет как PR-ресурс политического управления». В них исследуются актуальные проблемы организации регионального электорального пространства, применения современных технологий в практике политического менеджмента.

Зачем педагогика управленцу? Отвечая на этот вопрос, А. А. Арламов пишет о последствиях педагогической некомпетентности управленцев – увеличивающихся темпах роста девиантного поведения, эрозии нравственности, ущербности личностного и профессионального развития. Автор раскрывает вопросы трансформации педагогических объектов на основе психологических знаний, представляет принципы конструирования педагогических объектов.

Статья М. В. Терешиной посвящена анализу экологической составляющей в развитии муниципальных образований в контексте концепции устойчивого развития. Очень важным представляется сформулированное автором положение об экоаудите на уровне муниципальных образований, о важности подготовки «экологоориентированных» муниципальных служащих.

В рубрике «Кафедра» публикуются материалы Всероссийского семинара «Совершенствование управления в вузах: российский и зарубежный опыт», организованного Кубан-

ским госуниверситетом в рамках проекта НФПК по программе «Поддержка инноваций в высшем образовании». Здесь же читатель найдёт статью А. Н. Кимберга «Университеты: противоречия развития». Полемический стиль в сочетании с глубокой аналитикой, иронией и самоиронией – это, право, стоит прочитать. Кстати, объектом исследования стали не только противоречия, но и предрассудки, главный из которых формулируется автором так: «Любой учёный сам по себе настолько умён и оснащён научным мышлением, что для него не составит труда справиться с управлением».

Тематика управления высшей школой продолжается работой аспирантки Н. В. Андреевой, исследовавшей методы оценки эффективности инвестиций в высшую школу. В рубрике «Aspirantium opera» публикуется и статья В. С. Дорофеева об освоении природных ресурсов как проблеме федеративных отношений в нашей стране.

Открывая рубрику «Эссе», мы публикуем работу выпускника-политолога А. Б. Сазантовича «Портрет молодого консерватора».

Дорогие читатели! Мы рады сообщить Вам, что с 2003 г. будет проводиться конкурс на лучший материал, опубликованный в журнале «Человек. Сообщество. Управление» в предыдущем календарном году. Итоги конкурса за 2002 г. вы найдёте в следующем номере журнала.

Для решения стратегических вопросов развития журнала создается редакционный совет, в который согласились войти многие известные учёные в области социальных и гуманитарных наук. В планах редакции – формирование тематических номеров. В частности, сдвоенный № 2/3 в предстоящем 2003 г. планируется посвятить проблемам социальной идентичности.

Успехов Вам!

Редколлегия

ВЫБОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. И. Кольба, Н. В. Кольба

24 ноября 2002 г. в Краснодарском крае состоялись выборы в Законодательное Собрание. Их итоги дают возможность сделать некоторые обобщения, отражающие тенденции развития региональной политической системы Кубани, которая, как и российская политическая система, претерпела существенных изменений, пройдя через три электоральных общероссийских цикла. Для нового этапа трансформации, связанного с деятельностью администрации А. Н. Ткачева, характерно выстраивание такой архитектуры политической системы Кубани, в которой выборы могут рассматриваться и в контексте инструмента перехода к демократии, и в качестве состоявшегося демократического института.

Отношение к демократии вообще и выборам как демократической процедуре отчасти зависит от того, какой смысл вкладывать в эти понятия. Согласно концепции Р. Даля, политическая демократия подразумевает принятие ряда структурных мер, способствующих обеспечению широкого народного участия в политической жизни, и эффектив-

ную конкуренцию организованных групп [3]. Й. Шумпетер полагает, что с помощью демократических процедур происходит институционализация группового конфликта в обществе: все участники политического процесса ведут мирное соперничество за обладание политической властью; народ обладает законным правом и реальной возможностью активно участвовать в процессе выработки и осуществлении государственной политики, свободно выражая предпочтения тому или иному политическому курсу [10, p.269]. Таким образом, дискуссионными оказываются вопросы о природе демократических институтов, о способах их функционирования, ограничений и преимуществ. В повседневной практике демократия сводится к институту выборов, в котором реализуются две ее основные характеристики – конкурентность и участие народа. Как только выбор сделан, начинает функционировать механизм власти, построенный по принципу жесткой иерархии.

В современной России переход к демократии не завершен. В научном сообществе ведутся споры о характере и возможностях демократического транзита в России. Многие исследователи выделяют в качестве поворотного этапа в переходе к демократии «учредительные выборы», т. е. цикл выборов после отказа от авторитарного режима. В. Я. Гельман выделяет три функции таких выборов: 1) институциональную (формируют систему политических институтов; 2) бихевиоральную (формируют предпочтения и паттерны поведения избирателей, тем самым определяя контуры новой партийной системы); 3) трансформационную (создают основу легитимации новых политических режимов и существенно ограничивают возможности возврата к старым или перехода к новым недемократическим формам правления) [2, с. 46]. Применительно к трансфор-

мации российской политической системы все три аспекта носят, по признанию многих ученых, весьма противоречивый характер. Итогом электорального цикла 1993–1996 гг., который формально являлся циклом «учредительных выборов», фактически стала политическая система «выборной монархии». Его основа – автократия, а парламентским институтам отводится не слишком почетная роль [6, с.16]. Эта модель центра воспроизводилась и в регионах, что породило федеральную матрицу небольших региональных «выборных монархий», безраздельно доминирующих в политических системах субъектов федерации.

Позволим себе не согласиться с авторами научного доклада «Региональные парламенты в современной России» в том, что институционализация новых парламентских структур в регионах постсоветской России завершилась [1, с. 7]. История законодательного органа в Краснодарском крае служит ярким подтверждением того, что региональный парламент методом проб и ошибок только начинает приобретать черты стабильного политического института. Выборы в него проводились уже трижды, причем каждый раз по новому краевому закону, который понимался чаще всего из соображений политической целесообразности администрации края.

Выборы в ЗСК 20 ноября 1994 г. продемонстрировали левую ориентацию кубанского электората. Успеха добились левопатриотический блок «Отечество» и ЛДПР, менее удачно выступил поддерживающий администрацию блок «Кубань». Выборы проводились в семи многомандатных округах, в которых выбирались 50 депутатов.

Выборы краевого парламента второго созыва происходили осенью 1998 г., после потрясений общероссийского августовского экономического кризиса, что во многом оп-

ределило их исход. В итоге 38 мест в ЗСК получили кандидаты, выдвинутые ОПД «Отечество» (Н. И. Кондратенко), 11 – независимые кандидаты, 1 – представитель партии «Яблоко». Основной идеей кампании «отечественников» была необходимость поддержки со стороны законодательного органа политики губернатора края, которым на тот момент являлся Н. И. Кондратенко. Лозунг «Вместе мы – сила!» и безусловно харизматическая личность «вождя» на фоне депрессионного состояния после серьезных потрясений в экономике предопределили победу левых. (Повлияли на ситуацию и технические причины, например, принципы нарезки округов.) Как отмечает А. К. Магомедов, после подведения итогов выборов был закончен «долгострой» политического режима региона. Краевая власть во главе с губернатором Н. И. Кондратенко превратилась из ведущего политического актора в доминирующего [8].

Выборы в ноябре 2002 г. проходили после прихода к власти А. Н. Ткачева и его команды. Авторитет и влияние нового губернатора, таким образом, проходили своеобразную проверку. В то же время открытый конфликт с прежним губернатором был бы чреват для кубанской элиты расколом. Все это предопределило стратегию новой команды, которую мы называем «стратегией непрямых действий». Ее реализация проявилась в ряде шагов.

Во-первых, в мае 2002 г. был принят краевой Закон о новой системе выборов депутатов ЗСК: их число увеличивалось до 70, вместо многомандатных округов вводились одномандатные, ужесточались временные рамки предвыборной агитации (30 дней вместо 60). Новая нарезка округов не благоприятствовала «Отечеству»: если на предыдущих выборах его кандидаты шли «списком», поддерживая

друг друга, то при новой системе пришлось распылять ресурсы движения.

Во-вторых, к осени 2002 г. покинули свои посты 18 глав местного самоуправления городов и районов края (Успенский, Новокубанский, Новопрокровский и др.). Хотя для таких перемещений имелись различные основания, они позволили выстроить четкую систему управления практически всеми муниципальными образованиями края. Административный ресурс был фактически сосредоточен в руках губернатора.

В-третьих, неоднозначной была позиция губернатора по кандидатам от левопатриотического блока. Фактически по многим округам в пику кандидатам, поддержанным ОПД «Отечество (Кондратенко)», баллотировались так называемые губернаторские кандидаты. Официальной позиции в поддержку данных кандидатов губернатор не заявлял, но административный и финансовый ресурс администрации края работал на них. Как правило, это кандидаты от крупного бизнеса, «крепкие» хозяйственники, директора. Например, по 27-му избирательному округу баллотировался кандидат от КПРФ, поддержанный ОПД «Отечество (Кондратенко)» Н. И. Осадчий, которому не удалось заручиться поддержкой краевых властей в полном объеме. В пику ему шел местный руководитель сельхозпредприятия, «крепкий хозяйственник» Н. Т. Букреев, напротив, обласканный краевой властью, имеющий высокий положительный рейтинг, пользующийся уважением в районе. Судя по действиям глав районных администраций, ставка была сделана именно на него. Только несколько успешных акций команды Н. И. Осадчего [*], а также расслабленность и вальяж-

[*] В частности, традиционные для коммунистов подворовый обход и пикетирование в многолюдных местах.

ность Н. Т. Букреева принесла победу первому с перевесом в 773 голоса.

В новых условиях произошел раскол внутри некогда сплоченного ОПД «Отечество (Кондратенко)». В итоге дело доходило до курьезных ситуаций. За кандидата по 4-му избирательному округу Т. Г. Ещенко призывал голосовать секретарь краевого координационного совета Н. Г. Денисов. Он же подписал выписку из протокола заседания координационного совета, где обсуждались кандидатуры поддерживаемые данным движением. Городской же координационный совет в лице главы города официально высказался в поддержку другого кандидата по тому же округу – В.Н. Подшивалова, директора строительного предприятия.

На наш взгляд, выборы стали одним из мероприятий программы антикризисного управления со стороны администрации. Кризис, в котором находилась администрация А. Н. Ткачева, следует назвать многоаспектным. Среди проблем, которые ей пришлось решать, можно выделить давление на губернатора со стороны федеральных властей и центральных СМИ, невозможность в условиях «путинской» России управлять «по-кондратенковски», необходимость обеспечивать стабильный экономический рост (а значит, привлекать инвесторов). Конечно, далеко не последнее внимание уделялось и собственно будущему составу законодательного органа. Состав ЗСК второго созыва был несколько одиозен и, в общем-то, слабо управляем краевой администрацией. Некоторые из депутатов совмещали две выборные должности, имели больше полномочий и «требовали» более трепетного к себе отношения. Кроме того, из соображений политкорректности 1-м заместителем бессменного спикера В. А. Бекетова в 1998 г. был избран

руководитель краевого отделения КПРФ Н. И. Осадчий. Следует отметить, что именно Краснодарское краевое отделение КПРФ пыталось в сентябре 2002 г. зарегистрировать инициативную группу по проведению общероссийского референдума по земле, в чем ему было отказано. В целях получения благосклонности от федерального центра губернатору нужно было максимально дистанцироваться от соратников по партии.

Из 63 депутатов 13 избраны от избирательного объединения «Краснодарское краевое отделение политической партии "Коммунистическая партия Российской Федерации"», 32 – от Краснодарского краевого общественно-политического движения «Отечество (Кондратенко)», один – от политической партии «Единая Россия», один – от Либерально-демократической партии России, один – от Аграрной партии России. Несмотря на численное превосходство членство в ОПД «Отечество (Кондратенко)» во многом формально: лейбл гарантировал прибавку голосов в 5–10 %, но не обязывал к жесткому подчинению «Отечеству». Кроме того, как показала кампания 2002 г., такая политическая принадлежность – все же не стопроцентная гарантия получения вожделенного мандата. Только в одном Краснодаре в 6, 8, 11-м избирательных округах сторонники «батьки» оказались на вторых-третьих местах и не прошли в ЗСК. Состав нового краевого парламента, а также распределение портфелей говорят о том, что партийная принадлежность и покровительство Н. И. Кондратенко не имеет былой значимости. Состав комитетов подбирался скорее из соображений лояльности действующему губернатору. Избрание спикером В. А. Бекетова, а 1-м заместителем А. И. Шустенкова, бывшего сотрудника администрации края, – также одно из удачных кадровых решений. С

одной стороны, сохранен статус-кво с коммунистами *, с другой – должность получил человек, преданный губернатору.

Нужно отметить, что уровень конкуренции в предвыборных кампаниях явно возрос по сравнению с предыдущим циклом. К власти в регионе стремятся политики прагматического плана, «люди дела» без ярко выраженных партийных пристрастий, считающие целесообразным вкладывать средства в высокий политический статус. Однако эффективность использования этих средств остается не слишком высокой. Традиционный вал «черного пиара», вздымающийся все выше с каждой новой избирательной кампанией, приносит мало дивидендов. Примеры использования подобных технологий, направленных против кандидатов различной политической ориентации, многочисленны, но не отличаются особым изяществом. Это в основном «обманки» (приглашения на мероприятия с «бесплатным сыром»), замеченные в округах № 3, 11 и др., или «страшилки» (например, листовка про «черного доктора» Б. А. Казакова, о которой говорил не только 11-й округ, но и весь Краснодар). Очевидно, в избирательных штабах наблюдается застой мысли, отсутствие свежих идей, которые пытаются заменить «энергией и массовидностью» агитации. Реакция избирателей на эти усилия удручает. В среднем явка избирателей на участки составила 29 %. В семи округах края (пяти – в Краснодаре и двух – в Сочи) не удалось преодолеть 25-процентный барьер явки, поэтому выборы там признаны несостоявшимися. Возможно, избиратели уже просто не доверяют никому из кандидатов. Способствует снижению явки и законодательство о выборах,

* А. И. Шустенков – член КПРФ.

фактически запрещающее печатать в прессе какие-либо материалы о ходе кампании, помимо оплаченных кандидатами. Поэтому вместо независимой аналитики, могущей привлечь внимание граждан к перипетиям борьбы, они получают только однообразную агиткампанию.

Еще одним интересным аспектом выборов мы считаем их роль в институализации политических конфликтов. Рассматривая выборы с точки зрения политической конфликтологии, следует выделить несколько взаимосвязанных аспектов. Выборы можно характеризовать как «конфликт с нулевой суммой», если исходить из предположения, что все кандидаты стремятся к победе и действительно рассчитывают выиграть. Такого рода конфликты отличаются особой остротой противоборства в силу невозможности компромисса. Об этом, например, говорит глава Центризбиркома РФ А. Вешняков: «...идеальный порядок на выборах – вообще недостижимая задача для любой страны. Ведь выборы – это конфликт. Главная задача – удержать этот конфликт в рамках права» [4]. В создании и отладке политических и правовых процедур проведения выборов проявляется такой элемент институализации политических конфликтов, как создание формальных и неформальных «правил игры», которым должны следовать участники конфликта и которые должны предоставлять равные условия для каждой из сторон [7, с.157]. Стремление сделать все этапы предвыборной борьбы максимально подконтрольными закону в целом оправданно, хотя излишняя их «зарегулированность» также создает ряд проблем, что и проявилось в ходе выборов в ЗСК.

Однако характеристика выборов только как «конфликта с нулевой суммой» представляется упрощенной. Нет необходимости доказывать, что они выявляют сложные взаи-

модействия социально-политических сил, отражают латентные процессы самого различного характера, вплоть до межличностных отношений. Участники предвыборной кампании могут преследовать самые различные цели: заявить о себе, манифестировать интересы какой-либо социальной общности, отобрать голоса у другого кандидата и т. д. Равным образом и силы официально нейтральные, заявляющие о своем нежелании оказывать влияние на исход голосования, на деле заинтересованы в достижении определенного результата. Сохраняя внешне благопристойные, а то и партнерские отношения, такие силы зачастую вступают в конфронтацию, орудием которой являются те или иные кандидаты, порой и не осознающие истинного положения вещей. В период трансформации политической системы, когда на «игровом поле» появляются новые акторы, проявляют себя новые группы интересов, происходит корректировка связей и взаимодействий, становление новой «системы координат», предвыборная борьба приобретает особый характер. Конфликт здесь представляется более сложным, чем «игра с нулевой суммой», для его анализа необходимо выявление всей совокупности факторов, влияющих на ситуацию.

Предвыборную кампанию 2002 г. характеризовал ряд конфликтов различной направленности и остроты. Прежде всего, конфликты разворачивались непосредственно в избирательных округах между противоборствующими кандидатами. Здесь, в общем-то, не происходило ничего необычного: как уже говорилось, такая борьба происходила с помощью привлечения референтных фигур, «черного пиара» и т. д. Отличительной чертой можно назвать обострение в ходе кампании «войны юристов», что привело к снятию ряда фаворитов предвыборной гонки с дистанции. Од-

нако с помощью таких «сильных» ходов соперники добились немногого. Показателен пример 1-го избирательного округа в г. Краснодаре, где в последний день перед голосованием был снят по явно надуманной причине кандидат Ю. В. Чепурной, видимо, по инициативе своего основного соперника. Штаб кандидата успел распространить листовку с призывом голосовать против всех кандидатов. В результате произошел «двойной срыв» выборов: явка избирателей не достигла необходимых 25 %, а среди явившихся на избирательные участки 39,58 % выразили свое отношение к происходящему в форме протестного голосования. В некоторых округах борьба была чрезвычайно плотной, и разрыв между победителем и основным конкурентом оказался чрезвычайно мал *.

Существование различных «списков» поддерживаемых той или иной политической силой (муссировались слухи о наличии «списков» губернатора, Кондратенко, федерального округа), свидетельствует о неочевидной для простого избирателя, но достаточно острой борьбе. По версии одного из ведущих политических обозревателей кубанской прессы, федеральный округ стремился обеспечить победу как можно большего числа кандидатов «левопатриотической» ориентации, что позволило бы сохранить за Краснодарским краем имидж «красного» региона и усилить нажим на краевую администрацию со стороны федеральных властей и прессы. В таком случае можно сказать, что в этом противостоянии команда А. Н. Ткачева достигла успеха. Не поддерживая открыто кого-либо из кандидатов (как это происходило в бытность губернатором Н. И. Кондратенко), ей удалось добиться создания в целом лояльного себе парламента, в котором

* Например, в избирательном округе № 11 он составил около 2 % (302 голоса).

представлены различные политические силы региона. «Отечество (Кондратенко)» потеряло монопольный контроль над ЗСК, что позволило говорить о «перекраске» Кубани в «бледно-розовый» цвет [5]. Что касается самого упомянутого движения, выступавшего долгое время в роли региональной «партии власти», то вполне возможно его ожидают нелегкие времена. Решение «Отечества» не выставлять своего списка кандидатов на выборах в ЗСК стало показателем существования серьезных внутренних противоречий. Духовный и политический лидер движения Н. И. Кондратенко утратил свое всесилие в региональном масштабе и участвовал в кампании достаточно вяло. Новая же администрация края, судя по всему, стремится создать сбалансированную партийную систему. В дальнейшем, очевидно, будут все серьезнее проявляться противоречия в руководстве движения, недостатки его организационной структуры, разнородность электората.

Можно отметить также конфликты, сложившиеся задолго до выборов, но получившие свое разрешение по их итогам. Так, администрация г. Краснодара вела затяжную «войну» с известным в городе предпринимателем В. З. Измайловым и возглавляемым им профсоюзом «Единство». Иски против Измайлова и подчиненных ему структур подавались и в ходе кампании [9]. Однако это не помешало ему стать депутатом ЗСК. Особенно же интересным представляется оставшееся мало замеченным, но стратегически важное противостояние мэра г. Новороссийска В. Г. Прохоренко и предпринимателя С. А. Зиринова в избирательном округе № 47. Зиринов, по слухам, поддержанный краевой администрацией, победил, и уже на следующий день после оглашения итогов В. Г. Прохоренко ушел с должности мэра с формальным повышением. Так закончился затяжной конфликт между краевыми властями и администрацией Новороссийска, возникший еще в 1990-

е гг. Даже Н. И. Кондратенко не удалось в свое время сместить новороссийского мэра, и город продолжал демонстрировать свою независимость. А. Н. Ткачев на волне недовольства населения положением дел в городе сумел добиться здесь «бескровного» успеха. Правда, в связи с предстоящими выборами нового городского головы тут же сформировался новый конфликт, который и привлекал основное внимание в политической жизни края в первые месяцы 2003 г.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Выборы в Законодательное Собрание Краснодарского края выявили тенденции развития политической системы края (хотя их вряд ли можно считать «учредительными»). Необходимо отметить, что конкурентная борьба в ряде округов существенно усилилась по сравнению с прошлыми годами. Это связано, во-первых, с изменением политической ситуации в крае, объективно повлиявшей на увеличение конкурентных возможностей различных политических сил. Новая политическая система края по сравнению с системой, сложившейся при Н. И. Кондратенко, отличается гораздо большей демократичностью и реальным политическим плюрализмом. Во-вторых, возросла значимость самого ЗСК, которое избрано на пять лет и призвано помочь губернатору в принятии важнейших законов в период общероссийских реформ. Очевидно, что Кубань в ближайшие годы может стать предметом интереса крупных российских и зарубежных корпораций, что потребует от ее политической и экономической элиты всемерного напряжения сил в борьбе за контроль над важнейшими ресурсами. В этом плане команда А. Н. Ткачева добилась немаловажных результатов. Применив стратегию «непрямых действий», она смогла избежать критического обострения конфликтов в период избирательной кампании и продемонстрировать свои возможности в сфере антикризисного политиче-

ского управления. В результате был упрочен контроль над политическими процессами в крае, восстановлено пошатнувшееся было под огнем критики федеральной прессы и даже президента РФ влияние губернатора. Политическая система края продолжает трансформироваться, уходя от авторитарной модели, сложившейся в 1996–2000 гг. [8]. Прагматики, вошедшие во власть после 2000 г., стремятся избавить Кубань от имиджа лидера «красного пояса», сделать ее инвестиционно привлекательной и не утратить при этом рычагов управления. Очевидно, что режим «управляемой демократии» (без склонности к политическому радикализму), воспроизводимый в крае, в наибольшей степени соответствует этой цели.

Библиографический список

1. Автономов А.С., Захаров А.А., Орлова Е.М. Региональные парламенты в современной России. М., 2000.

2. Гельман В.Я. Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 6.

3. Даль Р. О демократии. М., 2000.

4. Демократия грязи не боится (Интервью с А. Вещняковым) // Российская газета. 2002. 24 окт.

5. Завадская С. Красная Кубань стала бледно-розовой // http://www.polits.ru/details.htm?id=16&arhive=n.

6. Клямкин И., Шевцова Л. Внесистемный режим Бориса II: Некоторые особенности политического развития постсоветской России. М., 1999.

7. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 2000.

8. Магомедов А. К. Краснодарский край в условиях геополитической и локальной конкуренции политических сил // Полис. 1999. № 5.

9. О заявлении Коломийца Дмитрия Викторовича // Краснодарские известия. 2002. 12 нояб.

10. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y., 1947.

ИНТЕРНЕТ КАК PR-РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Скобликова

В 1989 г. американский теоретик демократии Роберт Даль в своей книге «Демократия и её критики» написал о сети Интернет: «Эта нарождающаяся технология, безусловно, как-то будет использована, к лучшему или к худшему. Она может быть использована в ущерб демократическим ценностям и демократическому процессу или же обращена им на пользу. Если не будут предприняты сознательные и настойчивые усилия, чтобы направить эту новую технологию телекоммуникаций на благо демократии, вполне может оказаться, что ее используют во вред демократии» [8, с. 38].

Развитие сети Интернет в России сочетает в себе две противоположные общемировые тенденции:

1) глобализация;

2) разделение информационных услуг по региональным или содержательным признакам.

Небольшие сообщества получают возможность развивать свою культуру, формировать чувство духовного единства [7, с. 51].

Неопровергаем тот факт, что наибольшая Интернет-аудитория в России находится в Москве и Санкт-Питербурге (соответственно 53,6 и 9,3 % от всех пользователей страны). Но исследователи крупнейшей системы статистики в российской зоне сети Интернет Spu Log считают, что увеличение числа посетителей сети с 2001 г. в России происходит за счет регионов [14]. Этот факт можно считать обоснованием необходимости изучения именно Интернет-ресурсов регионального характера. В будущем фу-

турологи считают возможным изменение благодаря сети Интернет смысла понятия «регионализм», так как пространство в сети не логично и не географично [12]. Но сейчас говорить о «взрыве» Интернетом земной географии и «стирании границ регионов» благодаря Интернету, как считает политический консультант М. Гельман, еще рано [2]. В наши дни судить о российской зоне Интернета, и в том числе об отображенности в нем политической сферы, можно лишь по совокупности «региональных Интернетов».

Изучение Интернета, его возможностей в сфере политики происходит при одновременном рассмотрении концепций информационного общества и теорий политических систем. Начав складываться в 1960-е гг., теории информационного общества прогнозируют через некоторое время установление сетевого общества. Это приведет к тому, что политика как вид деятельности станет иной под воздействием сети, так как сетевое общество – это постоянно изменяющийся результат почти мгновенной перекомпоновки огромного числа отношений.

Анализ перспектив сетевого общества позволяет нам сделать следующие выводы.

1. В условиях сетевой организации политики взаимодействия никакая задача не может быть решена дважды одним и тем же способом.

2. В сети всякая работающая политическая идея – это знание о настоящем, в силу чего она требует немедленного применения.

3. Всякого рода четко оформленные структуры в сетевом обществе обладают лишь эпизодической, случайно возникающей дееспособностью.

То есть по-настоящему «сетевым» станет тот политик, чье умение видеть особенность текущего момента не будет никак зависеть от политического опыта.

Но новая реальность породит и ряд проблем.

1. Прогрессирующая неспособность безличных структур, типа государства и социальных институтов, быть средством разрешения общественных конфликтов приведет к тому, что последние приобретут самый дикий и архаичный характер.

2. Государство получит возможность уничтожать любую оппозицию в зародыше, станет обладателем подробнейшей информации о частной жизни любого гражданина. А это уже критерий, позволяющий говорить нам о тоталитарных тенденциях в государстве.

3. Возникнет необходимость устранить разрыв между фактическим, расширенным сетью объемом прав личности и тем, что установлено законами.

4. Появится угроза разделения людей на «сетевых» и «несетевых», порождаемое разницей в доходах и в личном умении полноценно жить в условиях сети.

Вторая половина 1990-х гг. стала временем проникновения Всемирной информационной сети Интернет во все сферы человеческой деятельности, не исключая и связи с общественностью.

Связи с общественностью по определению, принятому Союзом французских ассоциаций паблик рилейшнз, заключаются в выработке и реализации постоянной политики информации и коммуникации с целью установления, поддержания и развития как с внутренней, так и с внешней общественностью отношений доверия [6, с. 31].

Благодаря сети Интернет связи с общественностью приобретают возможность:

– создавать максимально информативные коммуникации и неограниченно их расширять;

– как никогда ранее полно и своевременно информировать общество;

– максимально оперативно реагировать на меняющуюся экономическую и политическую конъюнктуру [13].

Интернет становится новым средством формирования имиджа – одного из результатов деятельности по связям с общественностью.

Что касается связей с общественностью в сфере политики, то их необходимость, с точки зрения российского исследователя PR В. Пызина, обусловлена тем, что эффективная связь политических институтов с общественностью подчас определяет исторический выбор и обеспечивает функцию и механизм соревновательности демократического процесса [9].

Использование сети Интернет для связей с общественностью в сфере политики позволяет благодаря своим технологическим особенностям:

– улучшить представления граждан о политике в целом, повысить общую политическую культуру, получая самую полную информацию из первоисточников [1];

– изменить шансы малых партий и движений на выборах, в том числе и региональных (если новый закон о партиях не ликвидирует их), так как они получают право на равный старт в Интернете [8, с. 38];

– предположить перспективность разработки «электронных интерфейсов» демократии участия, так как модель демократии в современной России несовершенна из-за невозможности оказать реальное влияние на политику государства, региона, города [8, с. 38]; применять механизмы построения демократического по существу, а не по форме

отношения представительства, участия граждан в принятии политических решений;

– получить новую возможность воздействия на общество, но оно будет уже зависеть от желания каждого конкретного человека (пользователя сети) получить какую-либо информацию.

Сеть Интернет в политической сфере может влиять на:

– расширение прав граждан путем предоставления моментального доступа к широкому ряду информации;

– увеличение числа людей, которые смогут участвовать в процессе принятия политических решений и следить за действиями правительств;

– предоставление возможности стать активным производителем информации, а не только ее пассивными потребителями [7, с. 25].

Сеть Интернет может углубить имеющиеся географические и социальные различия, еще более ослабить и без того слабых людей и слои населения. В то же время жизнь людей может быть улучшена с помощью более удобного доступа к информации и услугам связи.

История Интернета в России гораздо короче, чем в развитых странах Запада. Она насчитывает не больше десяти лет, из которых около шести сеть была доступна лишь узкому кругу людей: программистам и очень хорошо обеспеченным. Поэтому говорить о большом влиянии Интернета на различные сферы человеческой жизни в нашей стране еще рано, но вскоре эта ситуация может измениться. Изучение Интернета уже сейчас необходимо для:

– прогнозирования его влияния на политический процесс;

– изучения возможности и целесообразности внедрения Интернета во все сферы деятельности и регионы страны.

Сейчас в России не меньше 4 млн активных пользователей и около 12 млн неактивных (т. е. не имеющих собственного доступа к сети, но посещающих Интернет в связи с работой или учебой) [11]. По информации Фонда изучения общественного мнения, пользователи сети составляют примерно 3 % от населения России. Цифра небольшая, но это только начало. Футурологи считают, что в будущем компьютер, подключенный к сети Интернет, заменит и телевидение, и радио, и газеты, и телефон. Спад, который наблюдается сейчас в электронной торговле, позволяет думать о том, что Интернет – это больше средство для информирования, чем для обогащения [5], великолепно подходит как PR-ресурс в политической сфере. И если раньше политическую информацию в Интернете можно было получить только из сетевых СМИ, то сейчас эта ситуация меняется в связи с открытием представительств властных структур и политических партий и движений. Есть основания говорить о сокращении возможностей СМИ в сети Интернет манипулировать сознанием граждан.

Исследователь, специалист по выборам, Энтони Коррадо пишет: «Электронные коммуникации станут с точки зрения электорального процесса столь же революционными, как телевидение или радио. Но радио завоевывало аудиторию 50 лет, телевидение – чуть меньше, а развитие средств новых коммуникаций носит взрывной характер. Демократия в Интернете не просто мощная идея, которая ждет своего часа. Этот «великий» эксперимент уже начался» [8, с. 38].

Прежде всего, необходимо отметить, что характеристики структуры «политического» Интернета регионов Юга России мало чем отличаются от характеристик других регионов. В последнее время наблюдается рост представи-

тельства в сети Интернет органов власти, как региональной, так и федеральной. Но на большинстве сайтов выставлена лишь ознакомительная информация с разной степенью детализации, т. е. происходит использование второй модели PR – как информирование публики. Пока еще не налажен диалог с общественностью (благодаря интерактивности) этого региона, а об электронном предоставлении услуг и говорить пока нечего. До четвертой – двусторонней симметричной модели PR, когда процесс коммуникации двусторонний, еще далеко [4, с. 17]. Переход от простого информирования к более сложным функциям требует со стороны центрального правительства выработки и внедрения концепции использования Интернета государственными учреждениями, которая в настоящий момент отсутствует.

Краснодарский край, по сведениям февральского номера журнала «Эксперт», находится на пятом месте в России по количеству пользователей сети Интернет, это 2,3 % от всего количества российских пользователей, Ростовская область – на десятом месте, 1,2 % от всех пользователей России [14]. Среди сельскохозяйственного Юга России лишь Ставропольский край оказался малоотраженным в сети.

Приведенная информация, несомненно, разрушит некоторые стереотипы о южных регионах. Информация об «интернетизированности» регионов оказывает влияние на имидж региона, который в дальнейшем воздействует на результаты конкуренции между регионами. Более интерактивный регион кажется более выгодным для инвестиций.

Если попытаться исследовать причины популярности сети Интернет у жителей южнороссийских регионов, то, исходя из них, можно вывести следующие характеристики населения Краснодарского края и Ростовской области:

1) наличие высокой потребности у этих граждан в общении (т. е. в объединении) как следствие политики капитала после стадии отчуждения и дезинтеграции, что объясняет наличие большого числа пользователей сети Интернет в этих регионах;

2) активная позиция граждан-пользователей, так как в отличие от масс-медиа сеть не дает доступа к информации тому, кто ее не ищет.

Эти характеристики также не совпадают со стереотипом сельских жителей, хотя в Краснодарском крае городского населения больше чем сельского лишь на 400 тыс. человек (в отличие от Ростовской области, где соотношение 2 к 1) [10]. Можно предположить, что сознание и установки сельского жителя на Юге России постепенно меняются, становятся более мобильным. Это подтверждает не только наличие пользователей сети в сельской местности, но и ответный ход на это сельских администраций, проявившийся в создании собственных Интернет-представительств, например, в станице Динской http://dinskaya.nm.ru (Краснодарский край) и поселке Чертково http://chertkovo.rostov.ru (Ростовская область).

Интернет-ресурсы региональных государственных властей

Наличие большого количества Интернет-представительств краевых и областных администраций регионов Юга России, при нерегулярном обновлении информации в них, может натолкнуть на мысль, что в этих государственных структурах все еще работают люди с неизменившимся сознанием коммунистической эпохи, а именно с нацеленностью на экстенсивный способ производства: «больше» вместо «лучше».

В южных регионах также не забывают о том, что понятие «власть» персонифицировано в сознании россиян. Поэтому сайты администраций городов, краев, областей, а также разделы представительных органов власти переполнены информацией о личности человека, возглавляющего ту или иную властную структуру, и его фотоархивами.

Можно выделить две общие характеристики построения административных сайтов.

1. Как в Интернете Краснодарского края, так и в Интернете Ростовской области существует по одному сайту, в котором объединено представительство администрации региона и МСУ регионального центра. Это можно объяснить попыткой поставить МСУ в зависимость от региональной власти, если не в реальной жизни, так в виртуальной.

2. Отдельное представительство в сети различных комитетов и департаментов администраций регионов, помимо представительства на сайте своей администрации, свидетельствует о повышении роли и влияния этой подструктуры власти. Например, департамент сельского хозяйства и продовольствия при администрации Краснодарского края http://www.aris.krasnodar.ru.

Интернет в политической сфере регионов Юга России отражает существующую зависимость законодательных органов от исполнительной власти, несмотря на юридическое равенство. Это подтверждается отсутствием отдельных Интернет-ресурсов законодательной власти. Может быть, они считают, что общественность все равно одна (у администрации края и у ЗСК) – жители этого региона. Но скорее всего это отражение реальной действительности.

В Интернете сразу заметны те принципы работы администрации региона, на которых она в реальной жизни пытается не акцентировать внимание, – это стремление вли-

ять на МСУ и законодательную власть, а также наличие большого числа работников старого бюрократического партийного аппарата.

Интернет-представительства МСУ городов Юга России

Количество таких городов в Краснодарском крае и Ростовской области приблизительно одинаково, хотя в Ростовской области на 1300 больше городских жителей, чем в Краснодарском крае. Более того, города Краснодарского края имеют больше Интернет-ресурсов, что опять же объясняет присутствие Краснодарского края на пятом месте в рейтинге «интернетизированных» регионов [14].

По количеству Интернет-представительств МСУ Юга России лидируют города-курорты и порты, такие как Сочи, Новороссийск, Анапа, Геленджик, Минеральные Воды, Кисловодск. Это объясняется тем, что на развитие Интернета в таких городах оказало большое влияние то, что Юг России является главной курортно-рекреационной базой страны. У населения таких городов преобладает сознание открытости, ориентированность на рынок (на обслуживание туристов), что в совокупности образует явление открытости для контактов и модернизаторские настроения, которые способствуют развитию сети Интернет.

Наличие среднего класса, способного вкладывать свои свободные средства в сеть, полученные благодаря демократическим рыночным преобразованиям, составляет будущее сети Интернет в России – Рунета [11]. Именно этот средний класс начинает увеличиваться в южнороссийских регионах.

Расположения Юга России на пересечении коммуникаций, связывающих Европу и Азию, и выход к трём морям

побуждает МСУ в этих регионах использовать Интернет как средство связи не только с внутренней российской общественностью, но и с внешней. Города «выходят» за пределы России (Рунета) и создают в глобальной сети Интернет свои сайты на иностранном языке. Например, наличие на английском языке сайта г. Новороссийска http://www.cybersim.com/phantom/Novohim?About_city подтверждает нацеленность жителей этого города на контакты.

Города Юга России используют свои сайты для связи с общественностью не только в сфере политики, но и экономики. Особенно это заметно на ресурсах курортных городов, где благодаря интерактивности можно выбрать себе место отдыха и заказать путевку по сети Интернет.

Политические партии и общественные организации в региональном сегменте сети Интернет

Если властные структуры в регионах уже вошли в сеть Интернет, то политические партии не спешат этого делать. Причин этому может быть несколько.

Юг России считается пока «красным» регионом России, а КПРФ может влиять и информировать свой электорат без новых СМК, так как они, скорее всего, недоступны коммунистическому электорату. Стереотип «красного» пояса должен измениться, после результатов президентских выборов 2000 г. Может быть, тогда изменится и ситуация с региональными представительствами политических партий в сети Интернет.

Создание Интернет-представительств региональных политических партий может стать бессмысленным после принятия нового закона о партиях. Поэтому они проводят пока в сети Интернет политику выжидания.

Многие партии в России являются партиями в пределах Садового кольца. У них отсутствует какая-либо активность в регионе и, соответственно, отображенность этой активности в сети Интернет.

Уже существующие ресурсы политических партий в регионе можно разделить на два типа:

1) Интернет-представительства региональных отделений общероссийских политических партий и общественных движений;

2) Интернет-представительства региональных политических партий и движений.

Среди ресурсов первого типа следует выделить партию «Яблоко», на наш взгляд, самую активную в Интернете регионов Юга России. Правда, это касается только Ростовской области. Там есть отдельные Интернет-ресурсы Ростовского отделения «Яблока», а также Волгодонского и Новочеркасского отделений. Стоит задуматься, что от чего зависит: большое количество Интернет-ресурсов партии «Яблоко» в регионе от того, что Ростовская область считается «яблочным» регионом в России и партия «Яблоко» стабильно занимает на выборах там третье место, или, наоборот, Интернет-представительства повышают популярность этой партии.

Что касается других общероссийских партий, то наличие в сети Интернет нескольких сайтов Краснодарского отделения партии «Отечество» (Лужкова) (http://www.otechestvo.kuban.net) можно объяснить большой симпатией к ней во время выборов в ГД РФ в 1999 г. тогдашнего главы МСУ г. Краснодара В. Самойленко.

КПРФ всё-таки проявила свою активность в сети Интернет в регионах Юга России, что выразилось в создании Интернет-газеты краевой организации КПРФ Ставропольско-

го края http://www.stv.ru/rodina. Но скорее всего из-за отсутствия интереса к этому сайту пользователей сети новые номера не выпускались с 28 января 2000 г.

Очень радует тот факт, что руководители общероссийских партий и общественных движений начинают понимать важность проведения Интернет-политики в регионах. Об этом свидетельствует проведение 14–15 октября 2000 г. в Москве семинара для региональных отделений партии «Яблоко» на тему «Создание и сопровождение политических Интернет-проектов».

Среди партий и движений регионального уровня очень активны пока только молодежные организации. Это объясняется двумя взаимосвязанными причинами:

1) повышением политической активности молодёжи Юга России;

2) молодёжь – большая часть пользователей сети Интернет в России. Она политически пассивнее других возрастных групп. Практически не воспринимая традиционные СМИ, она позволяет лишь сети Интернет «втягивать» себя в политическую жизнь.

Можно пока только надеяться, что вскоре представительств основных институтов демократии в сети Интернет (т. е. политических партий) на региональном уровне будет больше, что позволит партиям стать ближе к своим избирателям и сторонникам.

Подводя итог небольшого исследования, отметим, что сеть Интернет в регионах всё-таки развивается. В каждом регионе есть своя политическая структура и своя общественность, поддержание связи с которой – залог существования политических деятелей. В будущем сеть Интернет будет существенно влиять на изменение специфики связей с общественностью.

Рано или поздно в России будет решена проблема телефонизации и компьютеризации, что дает возможность обновления структур демократии с помощью обеспечения более легкого доступа к информации, более эффективного использования государственного аппарата, расширенного участия общественности в принятии решений.

Что же касается нашего времени, то сейчас сайты политического характера довольно часто отражают именно ту действительность, которая существует. Виртуальность переплетается с реальностью. Анализ ресурсов сети Интернет на Юге России говорит об изменении сознания его жителей на более модернизаторский тип и переквалификации регионов с сельскохозяйственного типа общества на постиндустриальный и информационный.

Государственная региональная власть и МСУ представлены в южнороссийском сегменте сети Интернет гораздо шире, чем политические партии и общественные движения, что свидетельствует о неразвитости институтов гражданского общества в России.

Ключевая проблема XXI в. – это возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий, поэтому развитие сети Интернет в регионах России является важной вехой на пути движения России к информационному обществу.

Библиографический список

1. Белкин С., Воронин В., Устименко С. Интернет и власть // Власть. 1999. № 9.

2. Гельман М. Художники стали скромнее, но научились попадать в будущее // Новое время. 2001. № 2–3.

3. Герасимов Г. Голосование по сети? Дайте время // Новое время. 2000. № 49.

4. Иванченко Г.В. Реальность паблик рилейшнз. М., 1999.

5. Косячков Р. Пирамида Интернет // Компьютерра. 2001. № 4–5.

6. Лебедева Т.Л. Паблик рилейшнз: корпоративная и политическая режиссура. М., 1999.

7. Мелюхин И.С. Информационное общество. М., 1999.

8. Павлютенкова М. Новые информационные технологии в современном политическом пространстве // Власть. 2000. № 8.

9. Пызин В. Функциональные особенности политического PR // Советник. 1997. № 5.

10. Российский статистический ежегодник. М., 1999.

11. Рябов И. Русская паутина // Новое время. 2000. № 49.

12. Соколов Д. Сеть атакует // Новое время. 2001. № 3.

13. Фоменко С. Технология новой стратегии – Интернет меняет облик PR? // Советник. 2000. № 2.

14. Шпагина М. Интернет – активный бизнес // Эксперт. 2001. № 49.

УПРАВЛЕНЦЫ ШУТЯТ

Четыре закона теории информации

1. ***Информация, которая у вас есть, не та, которую вам хотелось бы получить.***
2. ***Информация, которую вам хотелось бы получить, не та, которая вам на самом деле нужна.***
3. ***Информация, которая вам на самом деле нужна, вам недоступна.***
4. ***Информация, которая в принципе вам доступна, стоит больше, чем вы можете за нее заплатить.***

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ОСНОВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. А. Арламов

Понятие «педагогика» ассоциируется у многих людей с воспитанием ребёнка в школе или семье. Специалисты непедагогической профессии к подобным представлениям добавят подготовку, переподготовку, повышение квалификации. Это вполне справедливо. Однако представление о педагогике как науке сегодня вышло за её пределы. Потребность в умении конструировать педагогическое влияние в одинаковой мере испытывают те, кто работает с детьми и взрослыми в медицине, управлении (в том числе государственном), законотворческой деятельности, организации нововведений, рекламоведении, средствах массовой информации, политике и других сферах. В этом убеждают просчёты и ошибки специалистов, работающих в перечисленных областях практики. Их последствия известны каждому – увеличивающиеся темпы роста девиантного поведения, эрозия нравственности, ущербность личностного и профессионального развития, межнациональные конфликты и пр. Наиболее известные учёные и профессионалы-практики осознают потребность в педагогических знаниях.

Характерная черта современной науки – междисциплинарная интеграция. В сфере наук о человеке эти процессы отличаются особой интенсивностью. Наряду с уже известными научными дисциплинами, сформировавшимися в пограничных областях психологии и педагогики, социологии и педагогики, психофизиологии и педагогики, в настоящее время активно формируется *управленческая педагогика* [19, с. 178–204]. Для этой новой научной дисциплины проблема выявления и обоснования методологических нормативов трансформации педагогических объектов при использовании психологического знания является значимой и актуальной. В статье представлен один из подходов её разработки и обоснованный вариант методологических нормативов трансформации педагогических объектов.

Педагогический объект противостоит субъекту предметно-практической, управленческой, преобразовательной и исследовательской деятельности. Термином «педагогический объект» будем обозначать педагогические явления, педагогические факты, принципы, методы, формы, средства педагогической деятельности и т.п., на которые направлены указанные виды педагогической деятельности. Понятия «педагогический объект» и «объект педагогического влияния» не тождественны. Педагогический объект – это средство педагогического влияния, но не само влияние. Второе понятие относится к сфере практико-педагогической деятельности, в контексте которой смысловое поле терминов «объект» и «субъект» ограниченно. Объект педагогического влияния означает, от кого исходит и на кого направленно влияние (А. С. Макаренко, В. В. Краевский, В. И. Гинецинский, Е. В. Сидоренко).

Методологическим основанием распознавания педагогических объектов является присущая им всем особенная

структура. Научно обосновано (В. П. Беспалько, Н. В. Кузьмина), что она есть инвариант множества всех педагогических объектов. Её состав общеизвестен: педагог как субъект влияния на образование ученика, ученик как субъект образования, цель образования, содержание образования, педагогическое взаимодействие как многообразие форм взаимовлияния педагога и ученика.

Педагогические объекты искусственны, поскольку они создаются человеком. Они не могут быть естественными даже в случае, когда педагогическое влияние как фактор развития человека возникает спонтанно. Прежде чем осуществить педагогическое действие, субъект построит это действие в своём сознании. Педагогические объекты сами представляются как системы и в то же время являются элементами педагогической действительности. Сама педагогическая действительность определяется «как действительность, взятая в аспекте педагогической деятельности» [9, с. 59].

С позиции категории «опредмечивания – распредмечивания» педагогические объекты могут быть реальными и идеальными, например, урок в классной комнате и урок как форма педагогической деятельности, педагогическая среда развития ребёнка и её модель и т.д. Реальный педагогический объект принадлежит педагогической действительности, идеальный – сознанию как форме существования знания о реальном педагогическом объекте.

Идеальный педагогический объект представляется как конструктивная форма знания о реальном педагогическом объекте, как его гностический гомоморфный образ. Гомоморфный потому, что знание о реальном педагогическом объекте всегда относительно. Различны и возможности человека в получении информации о педагогических объек-

тах. По мнению В. И. Гинецинского, «материальный объект фиксируется посредством ощущений и не дан ему в рефлексии, тогда как гностический образ одного человека не доступен чувственному созерцанию другого человека, но дан ему самому в рефлексии» [6, с. 21].

Конструирование идеального педагогического объекта-системы и его описание предполагает определение числа его элементов и их качественной характеристики (т. е. их сущности и содержания функций каждого элемента в педагогическом объекте-системе), установление связей между ними. Направленность развития идеальных педагогических объектов как конструктивной формы знания характеризуется его движением «от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка к сущности второго порядка и т.д. без конца» [11, с. 227]. Направленность развития реальных педагогических объектов предопределяется самоценностью научных данных как содержания преобразований, социальными условиями, осознанием субъектом преобразования человека как высшей и приоритетной ценности.

Трансформация педагогических объектов. Понятие «трансформация педагогических объектов» принадлежит ряду «развитие – преобразование – трансформация». В наиболее общем представлении преобразование понимается как шаг в развитии педагогической науки и практики. Понятие «преобразование педагогических объектов» можно отнести к числу базовых в педагогической науке, поскольку им обозначается широкий класс явлений. Педагогическая практика преобразуется ежедневно, преобразование неизбежно и объективно, даже когда педагог и не думает о нём. Существует и субъективное преобразование, когда содержание и педагогический процесс преобразуют-

ся сознательно. Педагогические системы также меняются с изменением целей и содержания образования и других их компонентов.

Преобразуется и педагогическая наука. Изменяются парадигмы педагогической науки, её концепции, сменяют друг друга педагогические теории, формы самопознания педагогической науки. Трансформируются способы и средства взаимосвязи педагогической науки и практики. Все существенные и несущественные изменения свойств педагогических объектов, спонтанные и целенаправленные, отражает термин «преобразование».

Понятие «преобразование» имеет разный смысл в зависимости от того, в контексте какой педагогической деятельности оно рассматривается. Педагог-практик проектирует, конструирует, организует свою деятельность и деятельность ученика в этом взаимодействии. Он создаёт и преобразует педагогические объекты в контексте практической педагогической деятельности как педагогический продукт. Результат его педагогического влияния – новое состояние развития, обученности и воспитанности ученика как психологический продукт. Здесь преобразование понимается как решение педагогических задач на основе результатов педагогических исследований, собственных творческих находок или опыта коллег (Н. В. Кузьмина, В. И. Журавлёв). Есть свои особенности и в преобразовании собственной учебной деятельности ученика, студента, воспитательной деятельности родителей.

Педагог-менеджер вносит изменение в педагогические системы, изменяет на основе научных знаний (особенно экономики образования, менеджмента в образовании, психологии управления) содержание и способы реализации функций управления, преобразует собственную техноло-

гию управления педагогическим процессом. Здесь преобразование также можно представить как решение управленческо-педагогических задач на основе данных науки, собственных находок и опыта коллег. Результат преобразования – иные профессиональное сознание и технология управления педагогическим процессом, эффекты нововведений.

Педагог – организатор нововведений в разноуровневых педагогических системах осуществляет научно-методическую поддержку, управленческое и психологическое сопровождение обновления педагогической практики. Результат его деятельности – новые педагогические объекты в практике образовательных учреждений, изменение профессионального сознания педагогов, групповых и индивидуальных педагогических технологий. Возможны изменения в учебной деятельности учеников, в их поведении и сознании. В этом состоит дополнительный педагогический эффект преобразовательной деятельности.

Педагог-исследователь познаёт педагогические объекты. Выдвигая и аргументируя гипотезы, он в ходе эксперимента создаёт новые педагогические объекты. Преобразование для него выступает как средство построения гипотетической модели, научно предполагаемого педагогического объекта. Таков смысл преобразования в контексте педагогического исследования.

Все представленные преобразовательные деятельности особенные. Они отличаются по целям, способам организации и средствам, масштабам и содержанию преобразований, а также по статусу участников, степени новизны и значимости педагогических объектов как результатов преобразований. Однако все субъекты преобразований осуществляют одну и ту же процедуру: обосабливают и структу-

рируют педагогический объект, изменяют его, опираясь на знание, испытывают его в поисках желаемого эффекта. Инвариантность процедуры преобразований педагогических объектов как бы перемещает саму процедуру в фокус методологического анализа.

Преобразование буквально – это изменение образа. Преобразование педагогических объектов, как уже отмечалось, рассматривается в контексте их развития. В этой связи содержание понятия «преобразование педагогического объекта» характеризует изменение состояния педагогического объекта и механизм его перехода из одного состояния в другое. В это понятие входят: преобразование как деятельность и система её обеспечения, преобразование как процесс и система, преобразование как отношение между педагогическими объектами.

Как деятельность преобразование – это целостность действий: предварительное решение о преобразовании участка педагогической практики, принятие решения о проектировании и организации преобразований, построение новой модели преобразуемого участка педагогической практики, выявление показателей и построение критериев эффективности преобразований и качества их результата, разработка программы преобразовательных действий, реализация программы, определение качества результата преобразований, анализ преобразований и определение их эффективности. Система обеспечения преобразовательной деятельности включает следующие элементы: информационное, организационное, нормативно-правовое, финансовое, материальное, научное обеспечение, педагогическую поддержку и психологическое сопровождение нововведений, обратную связь [1].

Как процесс преобразование представляет собой целостность информационного, *трансформационного,* коммуникативного микропроцессов. Преобразование как систему характеризуют: субъект преобразований, его объект и предмет, цель, содержание, способы и средства [1]. Термин «трансформация» происходит от латинского transformo – преобразую, преобразование каких-либо существенных свойств объекта; другой смысл (от позднелатинского transformatio – превращение) – изменение формы, внешности, нормы деятельности. Сущность трансформационного процесса как аспекта преобразования есть переход реального педагогического объекта в идеальный (акт распредмечивания); переход исходного идеального в иной, а иногда и новый идеальный; обращение его вновь в реальный обновлённый педагогический объект (акт опредмечивания). Собственно преобразование, сама процедура осуществляется в рамках трансформационного процесса.

Понимание преобразования как отношения между педагогическими объектами фокусирует методологическое сознание на переходе идеального педагогического объекта как исходного в другой идеальный объект того же рода. Основание такого понимания – формально-логический подход к развитию педагогических объектов. Пусть *A, B* – педагогические объекты одного и того же рода, *r* – закон трансформации (как логическая операция), тогда бинарное отношение *A r B* определяется как трансформация педагогического объекта *A* в *B.* При таком понимании процесса преобразования фиксируются сами состояния педагогических объектов-систем, которые определяются: числом элементов педагогического объекта-системы, их качественной характеристикой, характером связей и способами их перехода от одного состояния к другому.

Представление педагогического объекта как системы позволяет определить важный методологический принцип преобразования: изменение хотя бы одного элемента педагогического объекта-системы или связи между ними приводит к изменению свойств и формы педагогического объекта.

Само же развитие также представляется как система. Она задаётся множеством однородных педагогических объектов-систем и законами их трансформаций. Открывается перспектива определения числа первичных преобразований и правила их конструирования. Появляется возможность выявления инвариантов преобразований и закономерностей развития педагогических объектов (Ю.А. Урманцев).

Контексты функционирования психологического знания в педагогике

Значимость психологических знаний для педагогики трудно переоценить. Ещё К. Д. Ушинский полагал, что если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна знать его во всех отношениях. Призывая педагогов к изучению психологии, он писал о необходимости изучать законы тех психических явлений, которыми человек хочет управлять. Вероятно, эта идея и стимулировала приход психологов в школу. Явно, что психологические знания необходимы, но недостаточны для построения педагогического процесса. Что же произойдёт со школой, если в неё вдруг придут представители всех наук, изучающих человека? А может быть, стоит по-иному взглянуть на содержание педагогического образования? По-видимому, при изучении человековедческих дисциплин в процессе подготовки педагога-профессионала следует обучать не только «знаниям о...», но и «знаниям для...», но и этого недостаточно. Буду-

щий педагог должен быть мотивирован к изучению наук о человеке и овладеть знаниями, умениями, навыками их применения при трансформации педагогических объектов. В этом убеждают и размышления К. Д. Ушинского о пользе педагогической литературы, и трагический опыт деятельности педологов в школе. Данный исторический факт свидетельствует не только о жестокости и недальновидности властей, но и об отсутствии у педагогов-практиков «знаний о применении знаний» и умений ими оперировать при преобразовании педагогических объектов. Их отсутствие, как оказалось, может принести страдания человеку и дискредитировать саму науку.

Методологические ошибки применения знаний наук о человеке в педагогической практике настораживают своей регулярностью. История педагогики показывает, что наиболее отчётливо они проявляются в период реформирования образования. Нет ничего оригинального и сегодня. Ошибки те же. Они активно обсуждаются на страницах периодической печати и научных журналов.

Вместе с тем следует отметить, что большая часть публикаций акцентирует внимание на вопросах, что необходимо изменить и какое знание для этого применить. Меньше затрагиваются вопросы, зачем и как это делать, и очень редко задумываются о составе и структуре самого понятия «применить знание». Может быть, это одна из причин повторяемости методологических ошибок обновления и развития педагогической науки и практики.

Функционирование психологического знания в педагогике

Функционирование научного знания понимается в общей методологии как деятельность по его использованию

(Б. Г. Юдин). Применительно к психологическому знанию можно выделить следующие контексты (название контекстов даны по Б. Г. Юдину): мировоззренческий контекст – научное объяснение психологических явлений, развивающее мыслительный мир человека; контекст образования – развитие на основе достижений науки психологии как учебного предмета, системы психологического образования; контекст практического приложения – область практической жизни, где происходит оперирование психологическим знанием.

В данной статье анализируется последний из них – контекст практического приложения психологических знаний в педагогике, где психологическое знание становится средством преобразования педагогических объектов. Для понимания применения знания важное значение имеют работы М. Н. Скаткина, в которых поставлена проблема обращения педагогического знания как идеального в реальное действие; методологические исследования соотношения педагогической науки и практики В. В. Краевского; научные труды В.И. Журавлёва о взаимодействии педагогической науки и практики, В. И. Гинецинского о знании как категории педагогики, Г. П. Щедровицкого об организационных основах синтеза разных видов теоретической и практической деятельности. Эти работы создали предпосылку для возникновения методологии преобразования педагогических объектов. Выявление методологических нормативов трансформации педагогических объектов осуществлялось в рамках формирующегося научного направления.

Прежде всего попытаемся установить различие психологического и педагогического знания. Основание понимания сущности психологического и педагогического знания

конструировалось исходя из многоаспектности понятия «знание», содержания понятия «отражение» и различия предметов научной психологии и педагогики.

Любое знание есть знание о сущности явлений, способах его получения и применения, о ценностях его для человека, науки и практики (В. И. Гинецинский). Отмеченные аспекты знания будем называть соответственно: методологическое, онтологическое, праксиологическое, аксиологическое знание. В данном случае методологический интерес фокусируется на праксиологическом аспекте психологического знания.

Истории психологии и истории педагогики известны различные концептуальные подходы к пониманию применения психологического знания в педагогике. Ветвь прикладной психологии, которая занимается приложением выводов теоретической психологии к процессу обучения и воспитания, П. П. Блонский называет педагогической психологией. При этом он полагал, как замечает Л. С. Выготский, что педагогический процесс под руководством научной психологии будет таким же точным, как в технике, «однако ожидания были обмануты, и очень скоро наступило всеобщее разочарование в психологии» [5, с. 15]. Этот историко-психологический факт свидетельствует о том, что само применение психологических знаний в педагогике как процесс трансформации имеет свою специфику. Механистический перенос опыта применения научного знания в технике, животноводстве по аналогии на педагогическую почву оказывался не только непродуктивным, но и отягощённым негативными последствиями.

Другой подход отражён тезисом, смысл которого состоит в том, что педагогика должна обсуждать цели и задачи воспитания, которым психология диктует средства осуще-

ствления. Здесь подчёркивается нейтральность знаний педагогической психологии относительно конкретной педагогической задачи. Одно и то же средство, выявленное психологией, может воспитывать и раба, и гражданина (Л. С. Выготский). Более того, психологическое знание, как и любое другое, имеет достаточно широкую сферу применения. Однако в рамках этого подхода акцент делается на поиске педагогических задач, в которых известное психологическое знание применимо. Сама методологическая идея продуктивна. Она ориентирует психолога-исследователя на выявление сферы применимости психологического знания. Но односторонность всё ещё остаётся. Позиция педагога иная. Педагогическая практика, ежечасно порождающая педагогические задачи, стимулирует и направляет его на поиск необходимых для их решения знаний, причём не только психологических. Рассмотрим пример. Открытие условных рефлексов предопределило направленность прикладной психологии – поиск факторов в прилагаемой области, способствующих формированию условных рефлексов как привычек. Это знание становится психофизиологической основой метода упражнений (основой потому, что оно здесь системообразующее в совокупности психологических знаний), который был известен педагогике значительно раньше, чем условные рефлексы. Но, как известно, этот метод ещё требуется представить как систему приёмов-операций. Её конструирование – функция педагога. Количество и качество систем приёмов-операций зависит от содержания педагогической задачи, возраста ученика, его реальных возможностей, ситуации развития. Однако оно не безгранично. Существуют такие педагогические задачи, которые невозможно решить этим методом. Каждый метод имеет границы своей применимости. Это же психо-

логическое знание применимо и в дрессуре. Но систему операций разрабатывает дрессировщик. Психологическое знание одно и то же, но модели различны по смыслу. Они учитывают различие поведенческих реакций человека и животного, соотношение осознанного и бессознательного в их поведении. И тем не менее они изоморфны. Инвариант этих моделей – само психологическое знание. Пожалуй, этот факт убеждает, что изучение преобразования педагогических объектов как деятельности – функция педагогической науки и практики, однако открытие сферы применимости психологического знания – задача прикладной психологии, и педагогической в частности. Предметная область исследования прикладной психологии как дисциплины психологической науки остаётся в рамках её предмета. Локализуется её объектная сфера. Она задаётся конкретной практико-ориентированной деятельностью, что позволяет выявить особенности отражения действительности при взаимодействии человека с ней.

Сама преобразовательная деятельность, будучи конкретным видом практики также может быть рассмотрена в рамках предмета прикладной психологии, и педагогической в частности: мотивация нововведений, психологическая защита от нововведений, психологические барьеры внедрения, отношения к нововведениям, позиция педагога в обновлении педагогической практики. Преобразование педагогических объектов как особый вид педагогической деятельности характеризуется собственным составом, структурой, содержанием, в чём убеждает исследование конкретных процессов преобразования педагогической практики (А. А. Арламов, В. П. Бедерханова, С. Д. Поляков, А. А. Саранов, М. В. Кларин и др.). Как видим, объект исследования прикладной психологии и педагогики (ус-

ловно педагогики преобразований; другое название – педагогическая инноватика – имеет несколько иной смысл) общий, но предметы исследования различны. Этот факт требует более пристального внимания к вопросу о соотношении предметов психологии и педагогики.

Дифференциация психологического и педагогического знания, без которой невозможно понимание трансформации педагогических объектов на основе психологического знания, потребовала выявить различия предметов соответствующих наук. Предмет науки в данном случае выступает как признак, на основе которого определяется теоретическая принадлежность функционирующего в практике знания. Дальнейшее выявление различий педагогического и психологического знаний связано с трактовкой понятия «отражение». Это понятие относится к числу общенаучных. Его философский и психологический смысл общеизвестен. В целях определённости понимания этого явления есть необходимость в акцентировании внимания на формально-логическом подходе к его трактовке. Здесь и в дальнейшем употребление понятия отражения включает в себя: отражаемое, способ отражения, отражённое.

Обращение к предметам данных наук обнаружило многозначность их трактовок. Рассмотрим наиболее значимые подходы к определению предмета психологии. Выбор авторов трактовок был концептуально обоснован: в психологии – Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Ж. Годфруа, В. И. Слободчиков; в педагогике – П. П. Блонский, А. С. Макаренко, Н. В. Кузьмина, В. В. Краевский, В. И. Гинецинский.

Сущность подхода к изучению психологических явлений у Л. С. Выготского заключается в целостности и историзме. Он считал, что психология изучает «поведение че-

ловека как процесс взаимодействия между организмом и средой» [5 , с. 13]. По С. Л. Рубинштейну, «предмет психологии – это психический факт как кусок реальной действительности и *отражение* (выделено нами. – **А.А.**) действительности... именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия, и его отражением – единством реального и идеального» [14, с. 5–6].

По мнению А. Н. Леонтьева, «психология есть наука о психической жизни... Сознание и отражаемая им реальность связаны друг с другом реальными и содержательными процессами, в результате которых и происходит превращение, «перевод» материального в идеальное, объективной реальности в факт сознания, как и обратный переход факта сознания, идеи в действительность» [9, с. 25–27]. Основным фактом сознания ученый считает «факт отражения. Отражение связано с отражаемым процессом. Этот процесс принадлежит субъекту, его действительной жизни. В нём необходимость и условие возникновения отражения предмета, на который он направлен» [12, с. 44]. В отличие от других психологов-методологов, А. Н. Леонтьев выделяет в понятии «отражение» три взятые в единстве вещи – отражаемое (внешнюю по отношению к субъекту отражения действительность: идеальную и реальную); самого субъекта и принадлежащий ему процесс отображения; отражённое как психологический образ, результат процесса отражения. Далее он уточняет и конкретизирует своё понимание предмета психологии: «Психология имеет своим предметом деятельность субъекта по отношению к действительности, опосредованную отображением этой действительности. Отображение субъектом действительности есть то особое его состояние, которое называется переживани-

ем... Психология изучает, следовательно, то, как его переживания становятся действительными... Психологическая действительность есть единство деятельности и переживания» [12, с. 163].

В трактовке В. И. Слободчикова предмет психологии – человеческая субъективность как объективная реальность. Человеческая субъективность – это и внутренний мир человека, и форма бытия человека, и отношение к самой действительности, и форма практического освоения мира. Здесь заметна тенденция к целостному восприятию становления человеческой субъективности. По мнению ученого, «становление вообще не может идти по какому-либо основанию, будь то сознание, общение или деятельность» [6, с. 130]. В дальнейшем эта тенденция проявляется в исследованиях Ж. Годфруа. В результате методологического анализа различных пониманий предмета психологии он резюмирует, что она изучает поведение человека, внутренние психические процессы и практическое применение получаемых данных [5, с. 95].

Взаимодействие между организмом и средой может выступать как объект психологии. Здесь нет разночтений. В определении её предмета большая часть авторов использует понятие «отражение». Однако каждый из авторов выделяет какую-либо из его сторон. С точки зрения ученых, предмет психологии наиболее адекватно можно раскрыть посредством понятия «отражение». Таким образом, предмет психологии – это отражение как аспект взаимодействия живого организма и среды. Отражение как целостность *отражаемого* – реальная сторона бытия; человек с принадлежащими ему внутренними психическими процессами выступает субъектом отражения и эта его способность – способ отражения; *отражённое* – человеческая субъектив-

ность как внутренний мир и адекватные ему позиция, поведение, сознание, общение, деятельность.

Предмету психологии соответствует структура психологического знания. Психологическое знание есть знание о психическом отражении, включая знания о факторах, обусловливающих изменения в сознании, позиции, деятельности, поведении, общении; знания о сущности и закономерностях внутренних психических процессах; знания о состоянии развития психики человека как его субъективной реальности. Здесь знание – цель психологического исследования. Идея Ж. Годфруа о включении в предмет психологии практического применения получаемых ею данных требует уточнения. Преобразование практики на основе психологических знаний можно рассматривать в психологическом аспекте, поскольку это также реальная сторона бытия человека. Полученное психологией знание выступает и как средство развития преобразовательной деятельности.

В педагогике также наблюдается многозначность в определении предмета. П. П. Блонский полагал, что педагогика – это наука о воспитании, «преднамеренное, организованное, длительное воздействие на развитие данного организма» [3, с. 5]. А. С. Макаренко подчёркивал, что объектом педагогического исследования является не ребёнок (сейчас можно добавить – и не взрослый), а педагогический факт (явление). Н. В. Кузьмина в определении предмета педагогики центральным считает понятие «педагогическая система», а Н. В. Бордовская – педагогический процесс. В. В. Краевский в качестве объекта педагогической науки выделяет «социально и личностно детерминированную деятельность по приобщению человеческих существ к жизни общества», а к её предмету относит «систему отно-

шений, возникающих в деятельности, являющейся объектом педагогической науки» [9, с. 99].

Явно или неявно, учёными в качестве объекта выделяется педагогическое влияние, рассматриваемое как деятельность, как процесс (явление), как педагогическая система и ориентированное на освоение человеком социального опыта и собственное развитие. Педагогическое влияние многообразно и имеет различные формы: взаимодействие человека и педагогической среды, воздействие, содействие, взаимосодействие. Известны и различные организационные формы педагогического влияния: педагогическое руководство, педагогическая поддержка, педагогическое сопровождение. С точки зрения психологии педагогическое влияние можно рассматривать как взаимодействие человека с целесообразной специально организованной средой. Для психологического знания целесообразность не имеет значения. Закономерности поведения, внутренних процессов развития останутся неизменными, т. е. психологическое знание нейтрально (Л. С. Выготский). Для педагогики, напротив, цель обучения и воспитания значимы. Для неё также значимо знание о фактическом развитии ребёнка (взрослого) и о способах и средствах педагогического влияния (П. П. Блонский).

Рассмотрим эти идеи подробней. Психолог-исследователь воспринимает отражение действительности как данность. «Внутреннее не дано изначально, но является производным от внешнего, объективно наблюдаемого» [22, с. 243]. В. В. Краевский считает, что психологическая наука изучает «процесс *порождения* психического образа» [9, с. 137] – как и почему он возникает, как он развивается, и каков его продукт. Это внутренний имманентный процесс как шаг (по Г. Гегелю – эллипсис) развития человека. Пси-

хология не может пройти и мимо процессов, явлений, его порождающих. Процесс влияния факторов на внутренние психические процессы и есть формирование психологического образа, но оно не тождественно развитию психологического образа. Формирование – само влияние факторов. Оно порождает развитие человека. Число этих факторов, их приоритетность, функции, механизмы и границы влияния всё ещё остаются малоизученными.

Педагогическое влияние – это искусственный порождающий процесс. Он создаётся человеком осознанно. Специально проектируемая ситуация, среда, форма, средство и т. п., их реализация – продукты деятельности педагога, но само влияние – естественный процесс, порождающий развитие. Отсюда следует, что педагогическое влияние – естественно-искусственный процесс. Моделируя его, педагогика пытается учесть влияние известных факторов на развитие человека. Любой педагогический процесс является порождающим, но не каждый порождающий процесс будет педагогическим. Это уточнение необходимо здесь для того, чтобы отличать педагогическое знание от психологического. И если педагогическое влияние есть объект исследования педагогической науки, то её предмет – деятельность по его созданию и реализации. Для психологии важно само влияние. Оно всегда естественно.

Предмету педагогики соответствуют определённая макроструктура педагогического знания. Один из её вариантов предложен В. И. Гинецинским. Педагогическое знание – это знание о целях и ценностях как фактор регуляции педагогического воздействия, знание о человеке как объекте педагогического воздействия, знание о непосредственных социальных условиях педагогического воздействия, знание о деятельности как средстве осуществления педагогическо-

го воздействия, знание о культуре как предмете педагогического проектирования. Замена термина «педагогическое воздействия» на «педагогическое влияние» лишь только уточняет наши представления о педагогическом знании, однако состав его макроструктуры пока остаётся прежним. В. В. Краевский полагает, что предмету педагогики соответствуют педагогическое знание, объясняющее и предписывающее (прескриптивное и дескриптивное). Вопрос о составе макроструктуры педагогического знания остаётся открытым.

Педагог-исследователь, по Ушинскому, может «успешно разработать план воспитания целостной личности, только опираясь на комплекс наук о человеке, в центр которого ставилась психология» [22, с. 276]. В этой ситуации психологическое знание – это знание для ориентира педагога при моделировании педагогических ситуаций, среды, условий, способствующих возникновению или «запуску» внутренних процессов, продукт которых был бы адекватен педагогической цели. Здесь психологическое знание выступает как одно из средств получения педагогического знания.

Педагогу-исследователю необходимы знания о тех и только тех влияниях, которые детерминируют процесс психического отражения, продукт которого адекватен, но не тождественен педагогической цели. Психолога-исследователя интересуют любые влияния, поскольку для него важны закономерности процесса отражения.

Представим, что одно и то же психологическое знание известно эргономисту, социологу, педагогу. Как бы они его применили? По-видимому, они построили бы модель системы влияний, изоморфную системе влияний, выявленных психологом-исследователем, причём каждый бы из них использовал язык своей науки. Но этого, конечно, недоста-

точно. Предстоит ещё множество экспериментов, чтобы получить ожидаемый эффект, прогнозируемый психологией и соответствующий поставленной цели, поскольку психологическое явление скорее всего стохастично, чем каузально.

Таким образом, интеграция педагогики и психологии прежде всего требует чёткого различия получаемых ими знаний. Многовидение предметов педагогики и психологии указывает на уровень развития этих наук, уточнение их предметов неизбежно. Вместе с тем данный этот факт говорит о необходимости осторожности в преобразовании педагогических объектов, чтобы избежать возможных ошибок. В этой связи предлагается полученный на основе методологического анализа вариант нормативов трансформации педагогических объектов посредством психологического знания. Они представлены в виде следующих принципов и правил конструирования педагогического объекта:

1) антропологический принцип развития педагогических объектов: предполагает антропоориентированность преобразовательной деятельности, т. е. ориентацию субъектов преобразования на человека как высшую и приоритетную ценность;

2) принцип минимизации педагогического риска: ориентирует на оценку готовности психологического знания как средства трансформации педагогического объекта, на прогноз ожидаемых антропосоциальных последствий как предупреждение ошибок преобразования;

3) принцип конструктивного развития педагогических объектов: развитие предполагает не разрушение исходного педагогического объекта, а расширение множества изоморфных друг другу педагогических объектов;

4) принцип системности: изменение числа элементов или качественной характеристики одного из них, изменение характера связи между элементами педагогического объекта-системы преобразует его как целостность;

5) правило конструирования педагогического объекта: позволяет построить множество однородных педагогических объектов, сделать выбор психологического знания на основе сопоставления ожидаемого психологического образа и педагогической цели, выделить в используемом психологическом знании множество детерминирующих факторов, построить педагогическую систему как объект, изоморфный множеству детерминирующих факторов, определить его принадлежность к множеству однородных педагогических объектов, установить тип преобразований, осуществить опытное испытание нового педагогического объекта.

Библиографический список

1. Арламов А.А. Изучение опыта инновационной деятельности в сфере образования (подходы и технологии). Краснодар, 1995.
2. Беспалько В.П. Основы теории педагогических систем. Воронеж, 1977.
3. Блонский П.П. Основы педагогики. М., 1924.
4. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебник для вузов. СПб., 2001.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996.
6. Гинецинский В.И. Знание как категория педагогики: опыт педагогической когитологии. Л., 1989.
7. Годфруа Ж. Что такое психология. М., 1992.
8. Журавлёв В.И. Взаимосвязь педагогической науки и практики. М., 1984.
9. Краевский В.В. Методология педагогики. Чебоксары, 2001.
10. Кузьмина Н.В. Основы вузовской педагогики. Л., 1972.
11. Ленин В.И. Философские тетради. М., 1978.

12. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А. А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М., 1994.

13. Макаренко А.С. Сочинения: В 5 т. М., 1958. Т. 5.

14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.

15. Сидоренко Е.В. Тренинг противостояния влиянию. СПб., 2001.

16. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека: введение в психологию субъективности. М., 1995.

17. Урманцев Ю.А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония / Под ред. В. С. Тюхтина, Ю. А. Урманцева. М., 1988.

18. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания // Ушинский К.Д. Собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1950. Т. 8.

19. Шепель В.М. Человеческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М., 2000.

20. Щедровицкий Г.П. Избр. тр. М., 1995.

21. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М., 1986.

22. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

Нужно много учиться, чтобы немногое знать.
Ш. Л. Монтескье

На одного человека, желающего учить, приходится около тридцати, не желающих думать.
У. Селлар и Р. Йитман

Все мы рождаемся милыми, чистыми и непосредственными; поэтому мы должны быть воспитаны, чтобы стать полноценными членами общества.
Дж. Мартин

УСИЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В РАЗВИТИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

М. В. Терешина

В настоящее время экологические, или природоохранные, проблемы занимают одно из ведущих мест в общественном сознании. Население беспокоит состояние окружающей среды, наличие качественных рекреационных зон, озелененность территории, органичность застройки, безопасность источников водоснабжения, возрастающее количество природных катастроф и другие факторы, прямо или косвенно влияющие на здоровье.

Городские власти включают природоохранные проблемы в число приоритетных проблем управления городским хозяйством, причем рассматривают их в широком плане: не только защита населения от неблагоприятных факторов загрязнения природной среды, но и охрана природных ресурсов от истощения, безопасность эксплуатации сооружений и, главное, планирование устойчивого развития городских территорий.

Термин «устойчивое развитие» вошел в лексикон после Международной конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. и полу-

чил в настоящее время широкое распространение. Как и на Западе, в России имеет место разнообразие определений и представлений об устойчивом развитии, но есть и два дополнительных объективных обстоятельства, которые вносят специфический вклад в обсуждение проблем устойчивого развития.

Во-первых, неудачная калька с английского термина «sustainable development» порождает бесплодную дискуссию о том, может ли развитие быть устойчивым. На самом деле речь идет о непрерывно поддерживаемом развитии.

Во-вторых, многие в России предполагают, что «переход к устойчивому развитию» – это выход из современного системного кризиса и приближение к европейским стандартам жизни. Однако именно тот, кто живет по европейским стандартам, осознал необходимость перехода к устойчивому развитию, считая нынешнее развитие неустойчивым. Несмотря на такие разночтения с каждым годом представление об устойчивом развитии становится все более содержательным, а отдельные страны даже разработали конкретные программы реализации желанной цели.

По первоначальному определению, прозвучавшему в Докладе международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее», устойчивое развитие формируется как «модель движения вперед, при котором достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений».

Принятие Концепции перехода РФ к устойчивому развитию имело огромное историческое значение, но являлось скорее декларацией, чем конкретным планом действий. Таким образом было заявлено, что российское государство и общество считают необходимым и возможным включиться

в мировой цивилизационный процесс решения глобальных проблем, ориентированный на новые цели и принципы. Конечно, обеспечить экологическую устойчивость в отдельно взятой стране или на отдельной территории муниципального образования невозможно, так как окружающая среда глобально нарушена и восстановление её устойчивости возможно только в масштабах планеты усилиями всех без исключения государств. Но на отдельной территории можно восстановить потенциал экологической устойчивости, который начнет работать на восстановление и поддержание глобального экологического потенциала.

Осмысление ситуации и выработка соответствующей политики на местном уровне должны осуществляться с учетом социальной, экономической и экологической специфики. Основой такой политики должна стать соответствующая стратегия: детально разработанная, широко обсужденная, закрепленная в федеральном и региональном законодательстве и реализуемая в виде соответствующих программ.

Переход к устойчивому развитию – процесс сложный, многофакторный и долговременный. Он затрагивает фактически весь комплекс внутренних проблем долгосрочного развития города, включая структурную и инвестиционную политику, вопросы изменения структуры потребления, охраны, рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, экономической и экологической безопасности, социальной и научно-технической политики.

Современный город – сложный социально-экономический организм, формируемый разнообразными внутренними и внешними взаимосвязями. С антропоэкологических позиций город является прежде всего плотной человеческой популяцией в созданной ею самой среде обитания. Хотя

некоторые исследователи (Сидорчук В.Л. Развитие экологического аудита в сфере природопользования и охраны окружающей среды: теория, методы и практика. М., 2002) полагают, что город можно рассматривать как экосистему, которая располагает «определенным объективно заложенным потенциалом саморегуляции», мы все же считаем, что город, особенно крупный, в большинстве случаев представляет собой совокупность различных биотопов. Искусственная окружающая среда создана человеком для осуществления своей жизнедеятельности и не может функционировать без его помощи. В отличие от естественной окружающей среды, искусственная среда без управления человеком деградирует, так как функциями самовоспроизводства не обладает.

В городах величина техногенной нагрузки на компоненты природной среды и глубина их изменений различны и обусловливаются климатическими условиями, темпами урбанизации, формами организации хозяйства и расселения. Тем не менее для всех урбанизированных территорий, независимо от их географических и социально-экономических условий, можно выделить основные экологические проблемы.

Во-первых, проблемы, связанные с воздействием антропогенно измененной окружающей среды на городское население.

Во-вторых, проблемы, возникающие при воздействии загрязненной окружающей среды городов на пригородные системы как в самих городах, так и на прилегающих к ним территориях.

В-третьих, проблемы, являющиеся следствием воздействия загрязненной окружающей среды городов на их материально-технические объекты.

Как видим, в пределах городских территорий представлен в концентрированном виде весь комплекс современных экологических проблем. Решение их, особенно в области нормативно-правовой, аналитической базы, формирование эффективных структур в области экоменеджмента на уровне муниципальных образований будет способствовать оздоровлению экологической ситуации в стране в целом.

Программы устойчивого развития, ориентированные на достижение социального, экономического и экологического благополучия, приняты сейчас на уровне многих муниципальных образований. Это свидетельствует об осознании необходимости усиления экологической компоненты в развитии городов и создает предпосылки для развития позитивных процессов. К сожалению, именно экологические цели этих программ часто не бывают достигнуты. Это объясняется рядом объективных и субъективных причин.

Анализ экологических блоков в программах развития муниципальных образований показывает, что в большинстве своем они были в определенной степени декларативны, содержали скорее набор пожеланий, чем продуманную систему взаимосвязанных технических, экономических, хозяйственных, организационных, проектных и строительных мероприятий. Достаточно часто эти программы разрабатывались без наличия экономических механизмов содействия и финансового планирования, фактические результаты многих планируемых природоохранных мероприятий заведомо не могли быть оценены.

Причиной неудач, на наш взгляд, также являлось то, что реальный смысл рационального природопользования и охраны окружающей среды оставался для большинства хозяйствующих субъектов неясным, в результате чего в программы бессистемно включались мероприятия по ликвида-

ции последствий неблагоприятных воздействий, а не причин, их вызывающих.

Проблемы достижения желаемого состояния окружающей среды при одновременной увязке с другими целями социально-экономического развития чрезвычайно сложны и требуют поиска нестандартных решений. Экономика и экология относятся к необходимым, но противоположным по своей ориентации компонентам социоприродных систем. Экономический прогресс исторически осуществлялся за счет экологического регресса. Решающее влияние на содержание природоохранной деятельности государства оказывают приоритеты экономического развития страны: природно-ресурсная ориентация экономики фактически предопределяет невысокий рейтинг природоохранной функции государства. Очевидно, что в современной кризисной ситуации при обосновании управленческих решений необходимо учитывать не только экономическую, но и социальную, а также экологическую эффективность намечаемых мероприятий.

Между тем единого критерия социально-эколого-экономической эффективности не существует. Это связано не только с неразработанностью, но и с несопоставимостью ряда показателей, характеризующих экономические, а главным образом социальные и экологические эффекты реализации природоохранных мероприятий.

Предварительные расчеты экономического и социального ущерба, связанного с загрязнением окружающей среды на определенной территории, основанные на сравнении затрат на природоохранные мероприятия с расчетом предотвращенного ущерба (неполученная выгода – это затрата, а предотвращенная затрата – выгода), предоставляют данные

об экономической эффективности природоохранных затрат.

В «Справочном пособии по экологической оценке», составленном Всемирным банком, описаны различные методики экономического измерения последствий воздействий на окружающую среду. Самой трудной практической задачей при эколого-экономическом анализе является определение тех экологических последствий, которые следует включить в анализ, а также их измерение в количественном и денежном выражении. Рекомендаций по этим вопросам нет в учебниках.

Некоторые экологические последствия могут быть более отдаленными во времени или более трудными для идентификации.

Кроме того, лица, принимающие решения, могут не обладать всей широтой знаний, чтобы адекватно провести эколого-экономическую оценку. И наконец, есть такие экологические последствия, которые практически нельзя выразить количественно, а иногда даже невозможно идентифицировать. Примерами могут быть эстетические, социально-культурные, исторические, психологические и прочие факторы.

Кроме перечисленного, причинами невысокой эффективности природоохранных программ являются пробелы в современном федеральном законодательстве в области охраны окружающей среды. Так, до настоящего времени не обеспечен учет условий сохранения устойчивости и саморегулирования экосистем в практике воздействий на окружающую среду. Отсутствуют региональные предельно допустимые нормы нагрузки на окружающую природу (индивидуальные нормы) в зависимости от характеристик и

особенностей территории. Вместе с тем закрепление этих норм для каждого региона необходимо.

Ещё одна проблема заключается в том, что разрозненные системы оценки состояния окружающей среды охватывают только 25–40 % техногенных воздействий. Это приводит к значительной разнице между контролируемым и фактическим вредным воздействием производственных объектов.

Кроме того, в условиях федеративного устройства государственной власти и наличия местного самоуправления управление охраной окружающей среды находится под сильным воздействием политических факторов, поскольку осуществляется одновременно на трех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном.

Следует признать, что все изменения в системе управления, которые во множестве происходили начиная с момента образования в 1988 г. Государственного комитета СССР по охране природы, носили организационный характер, не меняя приоритетов в экологическом управлении, не затрагивая существа федеративных и муниципальных отношений в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Происходил лишь перманентный передел полномочий внутри блока природно-ресурсных и природоохранных ведомств.

Необходимо отметить, что теория экологического права критически относится к такому варианту организации управления, при котором функции регулирования природопользования и экологического контроля выполняет один орган, как это произошло при реорганизации Госкомэкологии РФ.

Основными задачами Министерства природных ресурсов Российской Федерации являются разработка и реализа-

ция мер, направленных, с одной стороны, на удовлетворение потребностей экономики в минерально-сырьевых ресурсах, с другой – на обеспечение охраны, оздоровления и улучшения качества окружающей природной среды и рационального использования природных ресурсов.

Весьма сложным остается и вопрос разграничения полномочий в области охраны окружающей среды между различными органами власти. Компетенция муниципальных образований в сфере охраны окружающей среды всегда была дискуссионной с точки зрения её соответствия природе и роли местного самоуправления. Однако декларируемая Правительством РФ децентрализация охраны окружающей среды (декабрь 2000 г.) не может быть проведена на действующей нормативно-правовой базе. Существует объективная необходимость в наделении органов местного самоуправления конкретными полномочиями в сфере контрольно-разрешительной деятельности.

Кроме того, нынешняя законодательная база в области охраны окружающей среды не в полной мере использует такие важные инструменты, как экологическая сертификация, экологическое лицензирование и экологический аудит.

Существующие нормы ответственности за экологические правонарушения недостаточно эффективны. Размеры платы за природопользование мизерны и создают только видимость компенсации вредного воздействия на окружающую среду, хотя определяющим должен быть принцип возмещения вреда, причиненного окружающей среде.

Таким образом, проблемы в сфере экологического управления, возникающие на местном уровне, являются отражением кризиса в этой области на федеральном уровне.

В этих сложных условиях должна повышаться роль администрации города как гаранта сохранности окружающей

среды и экологической безопасности. Причем для преодоления перечисленных негативных тенденций необходим комплексный, системный подход, затрагивающий различные сферы – права, экономики, управления, психологии, воспитания и образования.

По нашему мнению, существует несколько путей повышения качества природоохранных программ и усиления экологической составляющей в развитии муниципальных образований, не требующих значительных финансовых вливаний, но способных значительно повысить эффективность экологического управления в городе. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Несмотря на то что вопросы развития нормативно-правовой базы в области общественных отношений, возникающих по поводу природных объектов, находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ), существует потребность в дополнительном регулировании природоохранных отношений в городе, формировании правового механизма управления в экосфере. Для этого необходимы муниципальные нормативные акты, тем более что Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (п. 2 ст. 68) и Закон о местном самоуправлении (п. 29 ст. 6) дают такую возможность.

В частности, одним из позитивных сдвигов в этой области могло бы стать положение о развитии экологического аудита, принятое на местном уровне.

Экологический аудит в Российской Федерации имеет, на наш взгляд, исключительные возможности, в первую очередь для инициирования любых других видов деятельности. Эти возможности связаны с получением, независимым анализом, оценкой информации о существующей экологи-

ческой ситуации и фактических результатах любой реализованной деятельности, а также с разработкой рекомендаций и предложений на основе этой информации.

Кроме того, в настоящее время имеются все необходимые условия и предпосылки для развития системы экологического аудита, включая заинтересованность научно-исследовательских институтов и фирм, личную заинтересованность экспертов и участников экоаудита, наличие прочных связей с европейскими аудиторскими компаниями, поддержку данной процедуры предприятиями, а также финансовым сектором.

Развитие экоаудита на местном уровне, разработка и реализация конкретных аудиторских программ на уровне муниципальных образований и территорий будет способствовать:

– созданию базы для рационализации использования ресурсов и уменьшения отрицательного воздействия производства на окружающую среду, главным образом за счет уже имеющихся методов и средств, а также методов и средств, не требующих значительных дополнительных затрат;

– обоснованию необходимости и возможности концентрации усилий и средств на наиболее приоритетных направлениях деятельности, в том числе связанных с инвестициями;

– предотвращению развития острых локальных экологических проблем и чрезвычайных ситуаций, разработке рекомендаций по своевременному их разрешению;

– созданию информационной основы для других видов экологической деятельности: экологического контроля и мониторинга, экологической экспертизы, экологического страхования, экологической сертификации;

– повышению достоверности экологической информации;

– оценке эффективности существующих муниципальных систем и механизмов экологического контроля и управления, обоснованию предложений по их дальнейшему развитию;

– формированию необходимых баз данных для разработки и реализации многоцелевых и долгосрочных территориальных экологических программ.

В настоящее время в МПР России готовится проект постановления о развитии экологического аудита на уровне субъектов федерации, в том числе и по Краснодарскому краю. На наш взгляд, органы местного самоуправления могут и должны перехватить инициативу в этой области, не дожидаясь законодательного закрепления экологического аудита на более высоких уровнях. Подобные прецеденты, демонстрирующие эффективность таких действий, уже имеются.

Хотелось бы уделить внимание ещё одному важному вопросу.

Огромное значение имеет формирование совершенно нового слоя управленцев – «экологоориентированных» муниципальных служащих, обладающих необходимыми знаниями и экологическим образом мышления.

Экологическое образование и просвещение населения – одна из важных составляющих Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440), а также один из принципов государственной политики в области охраны окружающей среды и в области образования.

В Российской Федерации заложены основные предпосылки создания и развития системы всеобщего непрерыв-

ного экологического образования и просвещения населения. Этот процесс должен охватывать весь период жизни человека, содействуя повышению качества общего образования.

Первым официальным правительственным документом, принятым после Международной конференции 1992 г. (Рио-де-Жанейро), стало Постановление «О мерах по улучшению экологического образования населения» (№ 1208 от 3 ноября 1994 г.). Экологическое образование было признано приоритетным, в бюджетах экологических фондов субъектов Российской Федерации предполагалось выделять на экологическое образование до 10 % средств.

Законодательством России в области образования предусмотрены источники финансирования образовательной деятельности, права и обязанности в этой сфере органов государственной власти и местного самоуправления, образовательных учреждений и т.д.

Достаточно широкие полномочия в части обеспечения финансирования имеют субъекты Российской Федерации.

Органы местного самоуправления, в свою очередь, формируют местные бюджеты в части расходов на образование и соответствующих фондов развития образования, разрабатывают и принимают местные нормативы финансирования системы образования, устанавливают дополнительные налоги и льготы, стимулирующие развитие образования.

Природоохранное образование – одно из важнейших условий формирования экологического стиля мышления, направленного на рациональное природопользование и этичное отношение к природе.

Курс экологии и социальной экологии введен на факультете управления сравнительно недавно. Его цель – сформировать у будущих специалистов необходимые знания, достаточные для

понимания ими главных современных проблем рационального природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, научить творчески анализировать имеющийся опыт решения экологических проблем и принимать на этой основе адекватные управленческие решения. Курс включает современную информацию об эффективных нормативно-правовых, экономических и организационно-технических мерах, направленных на решение общегосударственных и региональных (муниципальных) экологических проблем, а также методах управления экологической обстановкой на соответствующих территориях.

На наш взгляд, в целях повышения эффективности управления в экосфере важную роль могло бы сыграть дополнительное профессиональное образование муниципальных служащих.

Задача дополнительного экологического образования – научить служащих принимать экологически грамотные решения в области управления природопользованием, помочь осознать и проанализировать причины возникновения противоречий между природой и деятельностью человека, способствовать формированию управленческих знаний и навыков с тем, чтобы обслуживать политическую и экономическую систему хозяйствования.

В условиях перехода к рынку кадры управления должны приобрести новые профессиональные знания и навыки, позволяющие справляться с неопределенностью в меняющейся эколого-экономической ситуации и быстро откликаться на хозяйственные изменения.

К основным направлениям развития дополнительного профессионального образования муниципальных служащих относятся совершенствование структуры, повышение эффективности образовательной деятельности, укрепление

связи обучения государственного и местного управления, разделение их полномочий, переход от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование в процессе всей жизни».

Для решения задач дополнительного профессионального образования требуется качественно новый подход к содержанию и технологиям обучения, современное методическое обеспечение учебного процесса, включающее:

– законодательные нормативные документы, относящиеся к государственной службе, процессу образования и охране окружающей природной среды;

– документы государственного экономического и финансового менеджмента и делового администрирования;

– технологии современной административной деятельности, методы выработки управленческих решений, формы контроля за их выполнением.

В связи с изложенным дополнительное профессиональное образование государственных и муниципальных служащих осуществляется на основе федеральных законов: «Об основах государственной службы Российской Федерации» (от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ), «Об образовании» (от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ), «О высшем и послевузовском образовании» (от 12 августа 1996 г. № 125-ФЗ); «Об охране окружающей природной среды» (от 19 декабря 1991 г. № 2060-1) с последующими изменениями и дополнениями и Указах Президента РФ «О государственном заказе на переподготовку и повышение квалификации государственных служащих» (от 7 февраля 1995 г. № 103) и «О дополнительных мерах по подготовке государственных служащих» (от 3 сентября 1997 г. № 983). Основные требования к подготовке служащих вытекают из задач функционирования органов городской власти и управления.

Система дополнительного профессионального образования ориентирована на ознакомление слушателей с дисциплинами, знание которых необходимо для осуществления природоохранной деятельности и мероприятий по охране окружающей среды. Об этом свидетельствует выделение в рамках Государственного стандарта дополнительного образования государственных служащих среди обязательных направлений экологического образования.

Большинство глав администраций муниципальных образований имеют необходимый практический опыт работы. Однако в условиях становления и развития местного самоуправления многие из них нуждаются в получении дополнительного образования по базовой специальности «Государственное и муниципальное управление». Что же касается охраны окружающей среды, то специалисты по этому направлению среди муниципальных служащих, как правило, вообще отсутствуют.

На основе объективного анализа качественного состава кадров, результатов их аттестации целесообразно планировать переподготовку руководящих кадров и служащих муниципальных образований, повышение их квалификации, увязывая эту деятельность с формированием карьерного продвижения, ротацией кадров и повышением индивидуальной оплаты труда.

Перечисленные меры позволят усилить экологическую составляющую в развитии муниципальных образований и в конечном счете будут способствовать главной цели развития любого города – улучшению качества жизни его жителей.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ В ВУЗАХ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Данный раздел содержит материалы и тезисы сообщений участников Всероссийского семинара «Совершенствование управления в вузах: российский и зарубежный опыт», организованного Кубанским государственным университетом в рамках проекта Национального фонда подготовки кадров по программе «Поддержка инноваций в высшем образовании».

В работе семинара, проходившего 16–20 октября 2002 г., принимали участие 37 педагогических и научных работников из Кубанского, Карачаево-Черкесского, Ростовского, Уральского госуниверситетов, Краснодарского государственного университета культуры и искусств, Кубанского государственного аграрного университета, Южнороссийского госуниверситета экономики и сервиса, научно-образовательного учреждения «Диалог» из Великого Новгорода.

Проблемы совершенствования системы управления вузом рассматривались не только с целью обмена опытом, но и в связи с подведением промежуточных итогов реализации проекта НФПК творческим коллективом Кубанского государственного университета.

В течение пяти дней работы семинара на

пленарных и секционных заседаниях, круглых столах обсуждались основные проблемы совершенствования университетской системы управления в контексте модернизации образования, в том числе:

– оценка качества образования;

– современные информационные технологии в образовательном процессе;

– маркетинг образовательных услуг и обеспечение связи университета с рынком труда;

– разработка системы управления университетскими комплексами;

– управление инновационной деятельностью вузов;

– участие университетов в развитии местных сообществ.

Представляем вниманию читателей некоторые доклады и тезисы выступлений.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В ЕВРОПЕ

Л. С. Гребнев

1. Об интеграции моно- и многоуровневой структур ВПО в единую систему

Опыт 1990-х гг. в нашей стране показал непродуктивность проведения излишне четких содержательных границ между многоуровневой (прикладной) и многоуровневой (академической) структурами ВПО в рамках отдельного профиля образования. Мало кто из выпускников средней школы достаточно хорошо знает себя, чтобы уже при поступлении в вуз определить основной выбор между академической или прикладной траекторией своей профессио-

нальной карьеры. Поэтому вузы все чаще применяют «матрешку (4–5–6)», если позволяет существующая структура перечней направлений и специальностей: первые 2–3 года всех учат одинаково, а потом разводят по уровням. При этом кто-то (меньшинство) выходит в жизнь бакалаврами (4 года), подавляющее большинство – специалистами (5 лет), остальные – магистрами (6 лет). Возможно, по мере роста фактического признания степени бакалавра рынком труда, а также изменения способов финансирования вузов пропорция будет меняться в пользу бакалавров. Сейчас даже в Европе, особенно по инженерным специальностям, рынок труда еще не определился окончательно по этому вопросу.

Болонский процесс предусматривает возможность изучения отдельных предметов, относящихся к высшему образованию, вне вузов с последующим их зачетом (через общеевропейскую систему зачетных единиц – ESTC). Обратной стороной академической пространственной мобильности студентов в России является «застревание» выпускников в крупных населенных пунктах. Может быть, учитывая территориальный фактор и необходимость максимального удовлетворения потребности каждого района в специалистах массовых профессий, достаточного качества ссузы помогут в реализации современных дистанционных технологий?

Сейчас практически не выдаются дипломы о неполном высшем образовании, предусмотренные Законом о высшем образовании. Может быть, следует обсудить возможность в массовом порядке использовать вариант «3+», суть которого состоит в том, чтобы всем успешно окончившим три года обучения выдавать диплом государственного образца о неполном высшем образовании, а затем доучивать по одной из

трех программ: «+1», «+2» и «+3» соответственно для получения дипломов бакалавра, специалиста и магистра?

2. О возможности дифференциации нормативной продолжительности получения ПО в разных образовательных областях

В период СССР существовали весьма разные по продолжительности программы ВПО (как минимум от 4 до 6 лет), дававшие дипломы, одинаковые по степени признания для отделов кадров, труда и заработной платы, аспирантуры. Сейчас произошла принудительная, хотя и односторонняя унификация продолжительности обучения для получения диплома специалиста. Программы, короче 5 лет (среди них, в частности, несколько экономических, искусства), были увеличены на 25 %, но более длинные (особенно врачи) не претерпели уменьшения. Была ли содержательная потребность в такой унификации и ее сохранении? Есть ли необходимость учитывать специфику различных типов профессий?

В частности, существует большая группа профессий «доиндустриального происхождения», связанных, например, с искусством. В них профессиональная специализация начинается часто уже после окончания начальной общеобразовательной школы или даже раньше, а продолжительность жизни в профессии может колебаться в очень большом диапазоне (очень короткой в балете или профессиональном спорте и очень длинной в инструментальном искусстве). В этой группе специальностей невозможно деление профессионального образования на начальное, среднее и высшее, а также послевузовское (аспирантура, докторантура) по критериям, принятым в специальностях, так или иначе ориентированных на естественнонаучный фундамент, на постоянное обновление инструментального «же-

леза», поскольку для них инструментом являются прежде всего руки и другие части собственного тела.

Возможно, требуется учет специфики профессий, по своей предметной природе являющихся постиндустриальными, ориентированными на информацию как предмет и средство деятельности. К ним относятся такие массовые профессии, как программисты, юристы, экономисты, менеджеры. Причем, если высококвалифицированным программистом, как и хорошим математиком, можно стать даже в очень молодом возрасте, то многие профессии с гуманитарным фундаментом, ориентированные на прямой контакт с другими людьми (особенно учителя и врачи), требуют жизненного опыта, повышенного общего развития, а потому и более долгого обучения, возможно, «прерываемого» на время «дозревания».

Все это, как представляется, пока недостаточно учитывается действующим образовательным законодательством.

3. О роли информационно-компьютерных технологий в обеспечении фундаментальности и системности ВО

В отличие от федеральных законов об образовании, в действующей Конституции России говорится о высшем образовании, а не о высшем профессиональном образовании. Это открывает возможность наряду с ВПО обсуждать перспективы ВО. Тем более что на рынке труда часто требуют, чтобы претендент имел диплом о высшем образовании, без уточнения профессии. В этом случае рыночным сигналом является сам диплом как свидетельство приобретенного навыка получения знаний, «уровня обучаемости».

В любом случае переход к системе «3+» мог бы способствовать укрупнению профильных групп, по которым ведется подготовка на начальном этапе высшего образования. Это позволило бы значительно повысить уровень

унификации дисциплин первых трех циклов (ГСЭ, ЕН и ОПД), особенно в технике и экономике. Может быть, стоило бы назвать первые 3 года базовым высшим образованием (БВО), без употребления термина «профессиональное», и финансировать его по одной схеме, более государственной, бюджетной, а при финансировании завершающих лет в явном виде предусматривать софинансирование работодателей, широкое использование принципа целевого приема?

Мобильность рынка труда сейчас такова, что только относительно короткие образовательные программы могут в какой-то мере обеспечивать своевременное удовлетворение потребностей работодателей во многих отраслях материального производства. В настоящий момент повышенным спросом пользуются выпускники НПО и СПО, где срок подготовки в среднем заметно меньше, чем в ВПО. После этого неминуемо возрастет спрос на кадры ВПО, где нормой является 5 и более лет подготовки. Разрыв спроса и предложения на рынке труда в 3–4 года – это большие и, вероятно, невосполнимые потери. Их вполне можно избежать при предложенном варианте многоуровневости ВПО.

Практика показывает, что личный контакт преподавателя и студента особенно важен при формировании собственно профессиональных, специальных навыков (т. е. преимущественно на старших курсах). Это, в частности, отражается в повышенном запросе на аудиторные часы со стороны выпускающих кафедр, находящем отражение даже в примерных программах дисциплин, разрабатывавшихся УМО и утверждавшихся в Министерстве образования.

Кроме того, экономически более рационально централизованное вложение средств на разработку дистанционных технологий именно в массово преподаваемые дисциплины, а это как раз первые 3 года обучения. Представляется, что

системность и фундаментальность, закладываемые именно в первые годы обучения в вузе, в большей степени связаны с прочностью овладения базовыми знаниями, объективной проверкой свободы этого владения, обеспечиваемой техническими средствами, а не «личным контактом» по каждому изучаемому предмету.

4. Особенности затрат на многоуровневое ВПО со стороны его участников

До сих пор работа над ГОС ВПО (в первом и втором поколениях этих стандартов) велась вне связей с возможностью финансового обеспечения их реализации. Такая ситуация была неизбежна в период 1990-х гг., хотя логичной ее назвать нельзя: цели и средства должны быть взаимоувязаны – это аксиома любой рациональной деятельности. Сейчас положение с финансированием из бюджета начинает медленно улучшаться. Поэтому было бы полезно начать обсуждение связи содержания ГОС ВПО как цели, результата образовательного процесса с разнообразными средствами их достижения, комплексным учетом всех затрат всех участников этого процесса.

Для обучающихся – это явные и неявные издержки получения высшего образования. К явным относятся расходы на жизнь, часто вдали от постоянного места проживания, что связано с повышенными расходами на средства получения и закрепления знаний, к неявным – то, что экономисты называют издержками упущенной выгоды (прежде всего – неполученные доходы от деятельности по найму или в иной форме). Возможно, кому-то это покажется странным, но в Европе одними из главных инициаторов перехода от моно- к многоуровневой системе ВПО выступают студенты. Большинство из них крайне прагматично ждет от высшего образования не столько академических

знаний для чистой науки, сколько профессии для улучшения позиции на рынке труда, причем в возможно короткие сроки (4, а лучше 3 года). Если прибавка в заработке сравнительно невелика, а уровень безработицы невысок, то желающих получить высшее образование может быть намного меньше, чем способна дать имеющаяся система ВПО в стране (типичный пример такой ситуации – Швейцария).

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. А. Гаврилов

Проблемы совершенствования управления в вузах имеют исключительно важное значение. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Первое, в последние годы центр тяжести в экономической политике переносится на регионы, в связи с этим значительно возрастает роль вузов как источников интеллектуальных ресурсов, без которых невозможно возрождение экономики. Поэтому чрезвычайно актуально обсудить, как меняется место вузов в региональных системах управления социально-экономическими процессами и как вузы должны менять внутреннюю структуру и содержание своего управления, чтобы удовлетворить потребности регионов в образовательных услугах и научных разработках.

Второе, Министерством образования России в определенной мере пересматривается роль и значение классического университета в регионе, ставится задача создания предпринимательских университетов как университетов нового типа. В составе университетов появляются технопарки. Университеты и другие вузы являются соучредите-

лями инновационно-технологических центров. Создаются университетские учебно-научные инновационные комплексы. Естественно, что все эти новые явления и подходы прямым образом связаны с системами управления образованием, разработкой и внедрением инноваций и в конечном счете с управлением вузами как сложными, в отдельных случаях многоотраслевыми научно-образовательными комплексами.

Третье, развиваются системы многоканального, паритетного финансирования образования и науки со стороны Минобразования России и администраций регионов. Усиливаются связи вузов со структурами бизнеса. В этих условиях в вузах необходимо совершенствовать управление, формировать новые финансовые схемы отношений между внутренними его подразделениями и со сторонними организациями.

Четвертое, все большее число вузов в настоящее время вступает в различные отношения, в том числе и финансовые, с местными администрациями в процессе выполнения различных научных разработок, договоров, соглашений. Так как в вузах в настоящее время сконцентрирован значительный интеллектуальный потенциал, то Минобразования России ставит задачу повышения ответственности вузов за характер отдельных экономических процессов, протекающих в регионах. В этих условиях без развития соответствующей нормативной и экономической основы, а также четкого перераспределения отдельных целей, задач и функций не обойтись. Это в конечном счете изменит характер и содержание управления отдельными экономическими процессами в регионах.

Пятое, сеть подготовки кадров становится все более разветвленной. Многие вузы, в том числе и Кубанский гос-

университет, имеют филиалы, часто удаленные на значительные расстояния. Уже сейчас возникает задача – оптимально наладить систему дистанционного обучения, управления всеми филиалами, чтобы одновременно активизировать и учебную, и научную работу в филиалах, скоординировать ее не только с целями и задачами базового вуза, но и местными районными администрациями.

Шестое, расширяются отношения вузов с международными корпорациями и фондами, повышается значение трансферта технологий, защиты интеллектуальной собственности. В этих условиях на уровне вуза меняются функции и значение как научно-исследовательской части, так и отделов интеллектуальной собственности, стандартизации и др.

Седьмое, содержание и характер управления вузами в значительной степени обусловлены бурным развитием информационных систем. Необходимо определить, в какой степени существующие управленческие структуры вузов отвечают новому информационному характеру управления и компьютерным технологиям.

И последнее. Меняется содержание труда вузовского преподавателя и ученого. Предстоит выявить, насколько существующие структуры управления отвечают этому изменению, что необходимо сделать, чтобы системы управления вузами способствовали разрешению тех локальных и глобальных противоречий, которые накапливаются в университетской среде.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ

К. К. Костенко

Одним из шагов по улучшению управления качеством образования является создание в Кубанском госуниверситете интегрированной информационной среды, которая формируется в виде семейства хранилищ структурированных и связанных между собой документов, предназначенных для различных видов деятельности. Интегрированная информационная среда логически подразделяется на классы информационных сред.

1. Административная среда образуется из тематических классов связанных документов и систем документов персональных информационных сред должностных лиц, которые включают нормативные документы, отчеты, планы, графики, другие рабочие материалы.

2. Образовательная среда состоит из материалов учебного и методического характера, в которых содержатся сведения, поддерживающие организацию и проведение учебных занятий по различным дисциплинам, включая электронные учебники, электронные библиотеки и библиотеки разного уровня.

3. Научно-исследовательская среда содержит документацию по проведению исследовательской работы студентов, как самостоятельно, так и в составе исследовательских групп, в рамках написания курсовых и дипломных проектов (работ).

Для построения информационных документальных сред разработан программный комплекс VEDA, в котором реализованы следующие базовые принципы:

1) принцип универсальности при размещении информационных ресурсов, позволяющий выбрать оптимальную систему типовых форм документов и построить необходимую систему связей между отдельными документами и их частями;

2) принцип интеллектуальности, обеспечивающий удаленным пользователям доступ к профессиональным базам знаний и экспертным системам в составе информационной среды на основе технологий обработки знаний и интеллектуальных систем;

3) принцип автоматизации документооборота как важной функции информационной среды, позволяющий осуществлять моделирование жизненных циклов стандартных информационных объектов (например, может быть реализован процесс размещения документов в персональных информационных средах отдельных пользователей, поддерживающий автоматическое их удаление по истечении срока актуальности или предоставления пользователям);

4) обслуживание информационных потребностей на основе сформированной базы информационных потребностей зарегистрированных пользователей, которые определяют условия размещения в среде необходимых и автоматически предоставляемых в одной из предусмотренных форм документов;

5) удаленный доступ, связанный с обеспечением пользователей разных типов возможностями для работы с информационными ресурсами среды в соответствии с выделенными правами на основе стандартных средств доступа в Интернет; классификация пользователей основана на определении операционной доступности ресурсов разных классов.

Программный комплекс VEDA состоит из следующих основных подсистем:

1) сервер данных (подсистема хранения);

2) клиентское приложение VEDAExpert, предназначенное для работ специалистов (авторов), выполняющих структурное проектирование информационных документальных сред, а также их наполнение. Специальной функцией VEDAExpert является построение тестов разных типов, предназначенных для проведения удаленного тестирования зарегистрированных пользователей;

3) web-интерфейс документальных сред, обеспечивающих работу с информационными средами пользователей в режиме просмотра и интерактивного взаимодействия со средой при прохождении тестирования, опроса, анкетирования;

4) клиентское приложение VEDATracer, позволяющее организовывать проектирование (разработку) учебных курсов, составляемых из отдельных сеансов обучения, образовательных и контролирующих блоков.

В основе разработки документальных сред произвольных областей деятельности лежит проектирование систем классов документов и определение их типовых структур.

Формирование систем документов на основе типовых структур позволяет начать наполнение сред, в которых не представлены семантические зависимости документов и их частей. Задача связывания документов в системы решается на следующем этапе, когда каждый добавляемый или модифицированный документ связывается авторами и аналитиками сред с другими размещенными документами. Профессиональная среда структурированных связанных документов области управления качеством образования включает следующие основные классы документов:

– описания основных моделей и схем их использования;

– экспериментальные и фактические данные;

– библиотеку публикаций и исследований по тематике управления качеством образования;

– тесты и опросные формы, протоколы их выполнения студентами;

– базы образовательных достижений студентов.

Другие открытые области управления качеством образования представлены следующими основными разделами:

1) «преподаватель» (содержит биографические и профессиональные сведения – научные и образовательные достижения);

2) «выпускник» (позволяет интерактивно собирать информацию с пожеланиями и данными профессиональных траекторий выпускников);

3) «работодатель» (включает отзывы работодателей о выпускниках и сведения о вакансиях и требованиях к соискателям);

4) «студент» (содержит разнообразные сведения справочного, методического, учебного и научного характера, обеспечивающие учебный процесс и экзаменационные сессии).

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ БЛОКОМ ВУЗА

В. В. Грицай

Несмотря на то что работа, о которой пойдет речь, велась вне рамок программы «Совершенствование системы управления вузом», нам предоставили возможность выступить. Пожалуй, это вполне правомерно, поскольку техно-

парк является уникальным подразделением вуза и вносит свой вклад в его развитие. Однако его возможности еще используются не в полной мере. Необходимо такое планирование деятельности технопарка, которое обеспечивало бы повышение эффективности работы, вовлечение других подразделений и факультетов в инновационную деятельность и таким образом способствовало бы повышению интеллектуального потенциала вуза и реализации научно-технических разработок.

Научно-технологический парк «Университет» действует в Кубанском госуниверситете с 1999 г. Анализируя отечественный и зарубежный опыт работы технопарков, руководство университета пришло к выводу, что создание технопарка – необходимое условие успешного функционирования вуза в условиях рыночной экономики, предполагающее ускорение коммерциализации научных разработок, поиск близких к практическому использованию изобретений, содействие авторам в доведении разработок до производственной технологии, помощь в поиске инвесторов, подготовку кадров для инновационной деятельности.

Структура технопарка определяется основными направлениями его деятельности. Технопарк состоит из 19 хозрасчетных научно-производственных центров и 5 хоздоговорных образовательных центров.

Основные направления деятельности технопарка – экология (мониторинг, математическое моделирование процессов, очистка воздуха, воды и почв), нефтехимическое производство, оптические материалы, телекоммуникации, фармакология, сельское хозяйство, хранение пищевых продуктов.

Основные услуги, предоставляемые технопарком:

– экспертиза и конкурсный отбор инновационных предложений, научно-технических проектов и программ, имеющих коммерческий потенциал и направленных на производство новой продукции и услуг;

– предоставление малым инновационным предприятиям на договорной основе лабораторных, экспериментально-производственных площадей, оборудования для выполнения НИОКР, учебных помещений;

– мониторинг научного потенциала вуза, поиск близких к технологическому использованию изобретений;

– предоставление информации по инновационным предложениям и продуктам возможным партнерам и участникам инновационного процесса, продавцам, покупателям интеллектуальной собственности;

– регулярное участие в международных, всероссийских и региональных выставках, ярмарках, салонах и форумах, представление информации о научно-технической продукции своих структурных подразделений;

– организация обучения сотрудников малых инновационных предприятий, преподавателей вузов, ученых, специалистов.

За время своей работы технопарком передано в экономику 6 технологий:

– технология получения оптически однородного нелинейного материала ArGaGeS4 *;

– биотехнологические методы восстановления поголовья крупного рогатого скота;

– технология производства фармацевтического препарата «Бализ»;

---

* Звездочкой помечены технологии, переданные при содействии технопарка на зарубежный рынок и рынок СНГ.

– технология оценки глубинного строения Земли, поиска нефти и интенсификации нефтеотдачи;

– технология производства комплекса электромембранного оборудования для очистки и кондиционирования питьевой воды и промышленной водоподготовки;

– разработка аналитического комплекса на базе вольтамперометрического анализатора ВА-5.

Основные проблемы, с которыми технопарк сталкивается в своей работе:

– отсутствие законодательства в области инновационной деятельности;

– низкая восприимчивость промышленности региона к инновациям;

– недостаток квалифицированных специалистов для управления инновационным процессом;

– нежелание многих разработчиков работать с возвратными средствами (кроме того, университет как ГОУ не имеет механизма возврата финансовых средств);

– несогласованность выбора направления для фундаментальных исследований с реальными проблемами региона.

Последняя проблема отчасти решается, но только по отдельным направлениям.

Одна из трудностей организации работ менеджеров технопарка обусловливается отсутствием финансовых результатов. Последние полтора года в основном велась деятельность по выявлению инновационно-привлекательных разработок, формированию инновационных проектов, содействию развитию региональной инновационной инфраструктуры.

Иными словами, работа велась со всеми проектами одновременно и ни с одним из проектов углубленно. Основным результатом стали дипломы и медали с выставок и са-

лонов инновационного характера, что свидетельствует об интересе, проявленном к разработкам и достижениям наших ученых.

Деятельность технопарка ближе всего стоит к производственным инновациям. Необходимо отметить, что высшей школе принадлежит ведущая роль в формировании инновационного пути развития экономики страны и регионов. Вузы, работающие в регионах, должны обеспечивать развитие логистического инновационного цикла от стадии фундаментальных исследований до выпуска и реализации наукоемкой продукции и технологий.

Инновационная деятельность для вуза так же важна, как и деятельность по развитию научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Её важность состоит в формировании инновационной культуры в университете, инновационного климата, как в учебном процессе, так и в научно-технической деятельности. Инновационные образовательные технологии – это технологии, направленные на развитие творческих способностей студентов. А инновационная деятельность университета в научно-технической сфере – это привитие студентам практических навыков.

Основной результат инновационной деятельности – коммерческий успех, однако ее ценность состоит не только в этом. Инновационная деятельность в вузе является одной из главных составляющих в опережающей подготовки специалистов по приоритетным направлениям науки и техники. Речь идет о том, чтобы на базе фундаментальных исследований и инновационной деятельности в вузе готовились специалисты, призванные решать те новые задачи, которые ещё не стояли, когда этот специалист учился.

На сегодняшний день назрел вопрос о том, что необходимо сделать, чтобы технопарк перешел из разряда затратных подразделений в доходные.

В качестве стратегической цели технопарка «Университет» рассматривалось развитие инфраструктуры инновационного блока вуза через создание собственного инвестиционного фонда для реализации инновационных проектов, основанных на научно-технических разработках ученых Кубанского госуниверситета.

Стратегия получила название «Захват и удержание высот». Согласно классификации Майкла Портера это стратегия концентрированного роста.

В качестве высот рассматриваются инновационные проекты, в основу которых положены разработки ученых университета. Условно они разделены на ближайшие, обозримые и дальние. К ближайшим относятся проекты, наиболее проработанные с точки зрения подготовки к производству, к обозримым – рентабельные по предварительным оценкам, но более ресурсоёмкие. Дальние – те, которые ещё находятся на стадии разработки, но обладают очевидным потенциалом коммерциализации.

Инновационные проекты, используемые для реализации стратегии, стали золотыми, серебряными и бронзовыми призерами Первого Международного салона инноваций и инвестиций (февраль, 2001), выставки-конгресса «Высокие технологии. Инновации. Инвестиции» в Санкт-Петербурге (июнь, 2001) и Второго Московского международного салона инноваций и инвестиций (февраль, 2002).

Суть стратегии заключается в поэтапном выполнении инновационных проектов, формировании собственного инвестиционного фонда, расширении и совершенствовании инфраструктуры технопарка.

Первый этап реализации стратегии – коммерциализация ближайших проектов с небольшим бюджетом за счет привлеченных средств. Риски минимальны: в опытных подразделениях продукция уже производилась, пользовалась успехом и давала прибыль. Выполнение проектов сводится к серийному выпуску и тиражированию продукции. Самоокупаемость определяется высокой потребностью в продукции.

Второй этап – реализация проектов из числа ближайших и обозримых за счет своих и привлеченных средств. Это более ресурсоемкие, но в то же время более прибыльные проекты.

К этому времени должна быть сформирована расширенная инфраструктура технопарка, окончательно отлажена процедура образования малых предприятий по производству научно-технической продукции в рамках инкубатора бизнеса технопарка, доработана нормативно-правовая база и повышена квалификация менеджеров. Кроме того, будут созданы все предпосылки (и возможности) для расширения штата технопарка, обеспечения его помещениями и офисной техникой.

На третьем этапе начинается выполнение новых инновационных проектов повышенной сложности и ресурсоемкости, которые изначально мы отнесли к обозримым и дальним.

Рассматриваемый период – 4 года, начиная с июля 2002 г. Контрольная точка – 31 декабря 2005 г. Это обусловлено тем, что в настоящее время принята Концепция государственной политики в области инноваций на период до 2005 г., и результаты работы технопарка к указанному периоду должны соответствовать не только внутриуниверситетским и региональным интересам, но и общегосудар-

ственным целям развития научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Помимо выполнения инновационных проектов с целью обеспечения комплексного развития научно-технологического парка запланировано решение задач по следующим основным направлениям: исследования коммерциализации объектов интеллектуальной собственности на основе мониторинга выполняемых проектов, формирование единой системы поддержки инновационной деятельности в вузе, формирование инновационной культуры в вузе, городе, регионе.

А. К. Клюев поставил под вопрос «стратегичность» разработанного плана. Действительно, разработка этого плана начиналась не с изучения вызовов внешней среды, а с анализа внутренних возможностей. Однако указанные параллельные направления избраны с учетом факторов именно внешней среды. Кроме того, постепенно в список параллельных задач были включены дополнительно следующие: совершенствование инфраструктуры технопарка, вовлечение молодежи в НИОКР, формирование нормативно-правовой базы инновационной деятельности и пр.

Таким образом, разработанный план можно считать стратегическим.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Инновации – единственно возможный путь выхода из кризиса и повышения эффективности. В России невероятно высок потенциал кадров. Поскольку люди не рождаются инноваторами, роль вуза становится главенствующей в формировании инновационной культуры.

Инновации – это всегда неопределенность, а для преодоления неопределенности нужна стратегия.

Стратегическая программа предусматривает параллельное решение двух основных задач: 1) обеспечение инновационного процесса материальными ресурсами через реализацию наиболее подготовленных инновационных проектов; 2) научно-методическое, информационное и организационное обеспечение. Согласно общей методике выработки стратегий возможны две альтернативы, отличающиеся на первый взгляд незначительными деталями. Анализ показывает, какая из стратегий более приемлема с точки зрения имеющихся ресурсов.

В настоящее время технопарк приступил к реализации разработанной стратегии.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВУЗОВ

А. А. Шудренко

Главное условие инновационной политики – формирование институциональных и законодательных условий для позитивных изменений в инновационной сфере. Масштабы внедрения прогрессивных технологий и производств наукоёмких видов продукции в значительной мере будут определяться институциональными преобразованиями, обеспечивающими развитие новых прогрессивных форм инновационной деятельности и бизнеса в этой области экономики.

Для активизации инновационной деятельности необходимо также привлечение в инновационную сферу достаточного объёма финансовых ресурсов. При этом государственная составляющая этих ресурсов должна выполнять две функции: прямое финансирование начальных стадий

инновационного цикла (фундаментальные и поисковые исследования, приоритетные НИОКР), стимулирование и страхование инвестиций негосударственных финансовых структур.

Один из путей реализации инновационной политики в крае – развитие деловых связей на основе постоянного сотрудничества администрации Краснодарского края, ведущих научно-исследовательских организаций и научных подразделений вузов Кубани, научно-технологических парков, Центра поддержки малого предпринимательства, промышленных и агропромышленных предприятий, банковских и коммерческих структур.

Научно-технические инновационные разработки и научно-техническая продукция – один из важнейших факторов, составляющих инвестиционную привлекательность Краснодарского края. Они могут быть самостоятельными объектами для инвестирования или входить в состав более сложных инвестиционных проектов и программ.

Для повышения эффективности региональной инновационной политики необходимо соблюдение таких принципов, как:

– финансирование на паритетных началах с федеральными структурами инновационных проектов, поддержанных федеральными министерствами и ведомствами;

– финансирование на безвозвратной основе только инновационных проектов, имеющих приоритетное для края значение и влияющих на повышение экономической безопасности региона;

– расширение практики конкурсного размещения региональных средств для реализации инновационных проектов;

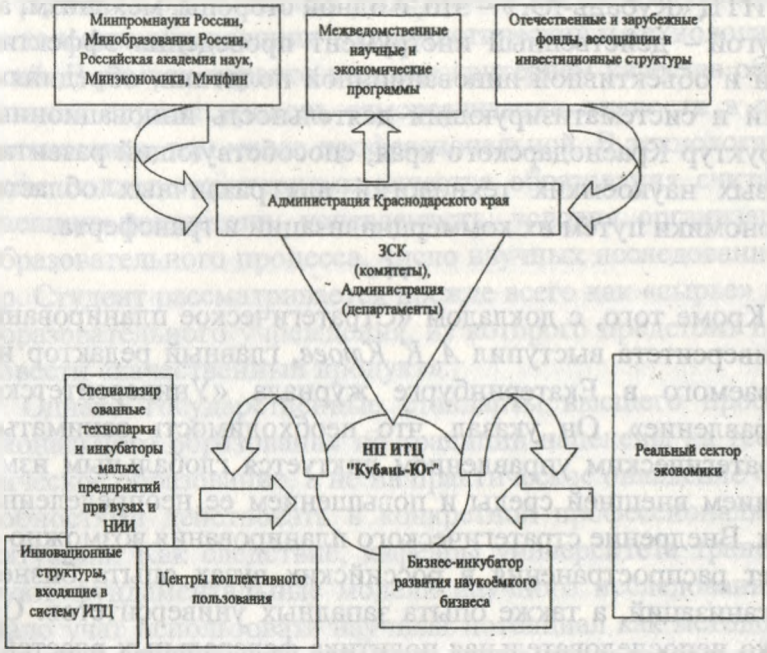
– развитие системы конкурсного отбора проектов с привлечением соответствующих федеральных фондов для финансирования проектов на возвратной основе;

– расширение круга частных инвесторов посредством снижения их финансовых рисков на нормативно-правовой основе.

Нормативно-правовая и институциональная основа инновационно-инвестиционной деятельности в Краснодарском крае частично разработана. Инвестиционная деятельность, включая режим наибольшего благоприятствования и систему гарантий для добросовестных партнёров на территории Краснодарского края, регулируется федеральными и краевыми законодательными актами: Федеральным законом «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», законами Краснодарского края «О государственном стимулировании инвестиционной деятельности в Краснодарском крае» и «О государственной поддержке лизинговой деятельности в Краснодарском крае».

В стадии рассмотрения находится проект закона Краснодарского края «Об инвестиционном налоговом кредите». Таким образом, создан пакет нормативных актов Краснодарского края, формирующих механизм практического осуществления государственной поддержки участников инвестиционной деятельности.

С 2000 г. активно обсуждается подготовленный департаментом образования и науки проект закона Краснодарского края об инновациях и инновационной деятельности, в котором заложена принципиальная функциональная схема инновационного комплекса Краснодарского края (см. рисунок).



Принципиальная функциональная схема инновационного комплекса Краснодарского края

Главная функциональная роль в инновационном комплексе края принадлежит Инновационно-технологическому центру (ИТЦ) «Кубань-Юг», созданному в 2001 г. в форме коммерческого партнёрства значительного количества разномасштабных, многопрофильных и специализированных образований (вузы, НИИ, технопарки, малые наукоёмкие производства, бизнес-инкубаторы, консультационные агентства и др.), как системообразующей структуре инновационного комплекса Краснодарского края.

ИТЦ «Кубань-Юг» – это, с одной стороны, механизм, а с другой – действенный инструмент проведения эффективной и объективной инновационной политики, объединяющий и систематизирующий деятельность инновационных структур Краснодарского края, способствующий развитию новых наукоёмких технологий для различных областей экономики путём их коммерциализации и трансферта.

***

Кроме того, с докладом «Стратегическое планирование университета выступил *А. К. Клюев*, главный редактор издаваемого в Екатеринбурге журнала «Университетское управление». Он указал, что необходимость заниматься стратегическим управлением диктуется глобальным изменением внешней среды и повышением ее неопределенности. Внедрение стратегического планирования возможно за счет распространения в российских вузах опыта бизнес-организаций, а также опыта западных университетов. Однако непоследовательная политика федеральных властей в области высшей школы, а также человеческий фактор создают серьезные трудности для стратегического планирования.

С. Д. Некрасов, заместитель декана факультета управления КубГУ, в своем докладе отметил, что появление в Законе РФ «Об образовании» (1992 г. и 1996 г.) статьи о государственном контроле за качеством образования породило в России целое «движение», в которое активно включились и практики, и теоретики. Между тем содержание ключевых понятий «образование» и «качество образования» не определяется однозначно, меняется с течением времени и не всегда поспевает за изменяющимися требованиями общества к профессиональной подготовке.

При всех разногласиях выделяются два подхода к оценке качества образования – гуманистический и технологический. В рамках первого подхода критерием качества образования служит уровень самореализации личности в деятельности, в том числе профессиональной. В технологическом подходе критериями качества образования считают внешние показатели: успеваемость, условия организации образовательного процесса, число научных исследований и др. Студент рассматривается прежде всего как «сырье» для образовательного учреждения, из которого предстоит произвести «качественный продукт».

Однако государственные стандарты высшего профессионального образования по традиции нацелены на теоретическое образование, а не на практическое овладение способностями действовать в конкретной профессиональной ситуации. Как следствие, кафедры университета транслируют фундаментальные модели научного исследования и мало учат использовать научный потенциал как методологический инструмент целостного исследования конкретных профессиональных ситуаций.

Начальник учебного отдела КубГУ *О. Н. Аврамко* представила результаты анализа, согласно которым теоретическое обучение университетского студента занимает около 70 % времени обучения, тогда как на практическое обучение отводится в среднем около 8 %, а на подготовку к исследовательской деятельности – около 4 %. Только частично такой перекос можно компенсировать за счет новых дисциплин специализаций, национально-регионального и вузовского компонентов, более широкого применения современных форм обучения (деловых игр, моделирования производственных, управленческих ситуаций и др.), привлечения специалистов-производственников для проведе-

ния занятий. Кардинальное решение – в реконструкции подготовки специалистов широкого профиля путем повышения значимости самостоятельной подготовки и ее методического сопровождения, а также производственной практики. Для этого необходимо создание университетского комплекса, куда войдут организации, на базе которых будут формироваться филиалы кафедр, учебно-производственные комплексы, НИИ и т.п.

А. Н. Костецкий, заместитель декана экономического факультета КубГУ, изложил принципы и шаги по разработке маркетинговой концепции университета: определения целей, принципов и приоритетов функционирования государственного высшего учебного заведения в условиях развивающегося рынка образовательных услуг и усиления конкуренции со стороны других государственных и негосударственных высших учебных заведений. Автор определил текущую рыночную ситуацию как «стихийную, разнонаправленную, медленную адаптацию субъектов системы», в ходе которой «объективным выглядит возникновение как позитивных (конструктивных), так и негативных (деструктивных) результатов».

В докладе представлены среднесрочный прогноз спроса на образовательные услуги, охарактеризованы конкурентная среда, основные участники рынка образовательных услуг и их рыночные стратегии, приведены основные итоги ситуационного анализа – сильные и слабые стороны КубГУ, возможные влияния внешних факторов. Деятельность университета предложено основывать на репутации учреждения, профессионализме и мотивированности профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала, на динамичной организационной

структуре управления и стабильной материальной и финансовой базе.

КубГУ предстоит готовить специалистов, чья деятельность будет связана с производством интеллектуальных, а не материальных продуктов; по этим направлениям университет должен стремиться к региональному лидерству с постепенным выходом на конкурентный уровень ведущих национальных классических университетов.

В долгосрочной перспективе университет ориентируется на бюджетное финансирование и не стремится к максимизации прибыли при предоставлении услуг. Целесообразно создавать образ государственного университета путем некоммерческих пропагандистских мероприятий, опосредованно формирующих благоприятный образ организации (Дни открытых дверей, Дни факультетов, встречи выпускников, презентации в школах и колледжах, общественные акции и мероприятия и др.). Одновременно маркетинговая деятельность должна стать в ряд с учебным процессом, научными исследованиями, кадровым и материально-финансовым обеспечением.

К компетенции маркетинговой подсистемы университета предложено отнести следующие функциональные направления: рыночные исследования всех форм и видов, изучение и понимание поведения потребителей образовательных услуг; разработку и постоянное обновление стратегических и тактических маркетинговых планов; разработку и планирование новых видов образовательных услуг; разработку общей политики ценообразования на платные услуги, координацию ценообразования структурных подразделений вуза; организацию и планирование сбытовой политики в области образовательных услуг и интеллектуальных продуктов; организацию, планирование и координи-

нацию мероприятий по продвижению благоприятного образа продуктов и самого университета в целевых аудиториях; обеспечение социальной этичности и социальной ответственности деятельности всех структурных подразделений и вуза в целом.

Ряд докладов был посвящен анализу и обобщению опыта развития других вузов, в том числе зарубежных.

От лица рабочей группы по проектированию университетского комплекса выступила помощник ректора КубГУ *Л. С. Моцарь*. Она доложила об опыте создания университетских комплексов Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета и Казанского государственного технологического университета.

Рабочей группой была подробно изучена организационная структура комплексов и особенности управления, их деятельность и внешние связи, различные способы интеграции ассоциированных членов разного профиля и функционального назначения, способы поддержки инновационной деятельности.

Изучение опыта способствовало информированному принятию стратегических решений об организационной структуре и способах управления проектируемым университетским комплексом КубГУ, позволило определить приоритетные направления развития комплекса и заранее ознакомиться с типовыми проблемами, с которыми столкнулись коллеги.

Заведующий кафедрой государственного и муниципального управления КубГУ, профессор *Ю.В. Филиппов* основывал свое сообщение на результатах исследования по направлению «Система университетской поддержки развития местных сообществ», в результате которого был найден «главный тормоз» российских реформ – «запаздывание гу-

манитарной составляющей и кризис управления на всех уровнях».

Реформы, проводимые сверху, не дадут ожидаемого результата, если не будут подкреплены движением снизу. В решении этой задачи уникальную роль может сыграть университетское и профессиональное сообщество. Трудность заключается в том, что университетская система в нашей стране была ориентирована на государственный заказ, а не на реальные потребности людей, живущих в конкретных местных сообществах.

Была сформулирована рабочая гипотеза исследования. Изменение системы управления вузом, прежде всего за счет создания многоканальной системы связи с внешней средой, позволит существенно изменить характер и направленность его деятельности и соответственно его роль в управлении общественными процессами.

Основная часть исследования, по-видимому, была посвящена изучению опыта Висконсинского университета (США) в организации поддержки развития местных сообществ в трех аспектах: структура управления, обеспечивающая живую связь с местными сообществами; формы воздействия на процесс развития местных сообществ; подготовка кадров, владеющих социальными технологиями развития местных сообществ.

О поддержке развития местных сообществ университетами говорили также заместитель декана факультета управления КубГУ, кандидат технических наук *В. В. Ермоленко* и преподаватель кафедры государственного и муниципального управления КубГУ *С. Н. Бунчук*. Они сообщили о том, что система поддержки начала складываться в начале XX в., ее развитие шло эволюционным путем, и сегодня она включает различные структуры разного уровня.

Речь идет об истории поиска механизмов решения проблем штата Висконсин и их формировании.

Докладчики привели пример создания предприятия профессионального обучения в Кунтакоулутусе (Финляндия). 50 штатных сотрудников ежегодно организуют около 1 000 курсов для 40 000 клиентов – людей, занимающих выборные посты, и государственных служащих. Годовой оборот фирмы, обеспечивающей связь университета с местным сообществом, доходит до 28 млн финских марок.

Основные механизмы взаимодействия университета и МСО: мониторинг социально-экономического состояния МСО, совместная разработка программ и планов развития, создание совместных институциональных органов (структур) взаимодействия (развития), контроль, анализ, коррекция программ и планов развития, обучение групп планирования и персонала ОМСУ, консультационная поддержка.

Выбор той или иной формы взаимодействия в значительной степени зависит от размеров и социально-экономического состояния МСО, особенно от наличия и осознания наличия собственных ресурсов развития, а также от инициативы у населения и профессионализма команды управления ОМСУ. Каждое МСО самостоятельно выбирает ту или иную форму взаимодействия с другими МСО и университетом. Для больших МСО целесообразно прямое взаимодействие с университетом. Небольшие МСО, кооперируясь друг с другом, могут взаимодействовать с университетом более плотно, в отдельных случаях даже передавая ему часть прав по формированию вариантов решения проблем с разработкой специальных механизмов и процедур взаимодействия. Право принятия решений во всех случаях принадлежит только ОМСУ, а университет выступает как ресурсный центр.

Гость конференции *А. И. Жуковский*, кандидат социологических наук, директор научно-образовательного учреждения «Диалог» (г. Великий Новгород), поделился опытом выстраивания системы поддержки регионального и местного управления в регионе, который вынужден строить стратегию своего развития на привлечении ресурсов со стороны.

Прежде всего, были обеспечены возможности для подготовки и переподготовки управленческих кадров в ведущих вузах Санкт-Петербурга, Москвы и Нижнего Новгорода. Параллельно с образовательным процессом создавалась информационно-аналитическая база. Тем самым система подготовки была сбалансирована между наукой и практикой управления. Одновременно шла работа по привлечению в область кадров, грантов и инвестиций, в том числе иностранных, в сферу муниципального управления, в чем активную роль сыграл губернатор области.

Область начала создавать собственную инфраструктуру по подготовке управленческих кадров. Основой ее стал центр «Диалог», в структуре которого есть институт региональных исследований и разветвленная сеть учебных филиалов. Высшие уровни профессиональной подготовки осуществляет университет.

УНИВЕРСИТЕТЫ: ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ

А. Н. Кимберг

Университетам недостает некоторых черт простой, направленной на получение прибыли организации, таких, как контролируемые вложения, ясные цели, простая последовательность и взаимозависимая организация деятельности, легко измеряемый продукт производства.

Герберт Р. Келс

Г. Келс, один из ведущих специалистов западного мира в области высшего образования, отдает должное академическому сообществу: «Преподаватели высших учебных заведений и ученые склонны к анархии. Часто их гораздо больше заботит собственный предмет, чем благополучие всего учебного заведения. Они нередко ищут поощрения своей деятельности вне стен учебного заведения, которое не может соперничать с различными внешними организациями в предоставлении подобных наград» [2, с.16].

И западные, и российские преподаватели «находятся в поиске… стратегий сопротивления функционалистской, менеджерской идеологии администраторов, норовящих свести к минимуму преподавание не сулящих немедленной коммерческой выгоды дисциплин», – доносится с другой стороны баррикады. Некоторую защиту ученому может обеспечить собственный научный статус, а личная поддержка друзей дает «неоценимые уроки мужества – мужества делать свое дело, каким бы непрактичным оно не казалось тем, кто стоит над тобой», – заявляет преподаватель университета Е. Трубина в тексте с выразительным назва-

нием: «На руинах идеи университета: преподаватели против менеджеров» [9].

Что же происходит в университетах? Университеты оказались на рыночном поле в обстановке нарастающей конкуренции, которая из политического соперничества за статус в глазах регионального и ведомственного руководства превратилась в прямую борьбу за доступ к ресурсам развития и источникам финансирования. Изменения положения университетов во внешней среде активировали противоречия и внутри университетов. Не претендуя на их решение, ограничимся первым шагом в этом направлении: рефлексией нескольких центральных противоречий идеологии и практики университетов.

Итак, первый шаг рефлексии: где истоки проблемы? Похоже, что не в дне сегодняшнем: нашумевшая в 1918 г. (!) книга Т. Веблена «Высшее образование в Америке» имела весьма полемический подзаголовок «Меморандум о том, как бизнесмены управляют университетами» [1, с. 77]. Суть общей идеи несколько позже выразил Г. Гессе: правильное (идеальное) академическое сообщество – это особая территория и сообщество людей, служащих особому искусству «игры в бисер». Образ, заданный Гессе, схватывает университет как место пребывания духа, не связанного с земными страстями и интересами, развивающегося только и исключительно из внутреннего интереса к собственным конструкциям. Это почти точно соответствует утверждению Веблена о том, что задачи профессионального образования ни в коей мере не соответствуют основной цели университета – изучению наук ради приобретения и распространения знания как самоцели.

Между тем университеты (желали они того или нет) становились во многом производственными организациями

со стандартными рыночными целями, поставляющими продукт, называемый «высшее образование» *. Сохранение своей позиции на рынке образовательных и научных продуктов (будь то образование по традиционному спектру специальностей, научные исследования, выполняемые для заказчика, или консультативные услуги) требовало от них подвижности и быстрой реакции на открывающиеся возможности, гибкости в принятии решений и оперативном планировании. Однако нерешенность вопроса о стратегических целях и неясное или различающееся понимание собственного предназначения продолжает сохранять напряженность проблемы университета.

Один из виднейших теоретиков и практиков университетского образования Р. Хачинс ** утверждал, что «существует конфликт между одной целью университета, поиском истины ради нее самой и другой, которую он также признает, подготовкой мужчин и женщин к делу их жизни. Это не конфликт между образованием и исследованием. Это конфликт между двумя видами образования» (цит. по [1, с. 167]). Хачинс вполне последовательно и концептуально обоснованно утверждал, что профессиональное обучение не может являться задачей подлинно университетского образования и предлагал вывести профессиональное образо-

---

* Не вполне корректно определять его как «образовательную услугу». Услуга есть нечто, что потребляется в момент производства и неотделимо от него. Результат же образования – это новое качество выпускника университета, сохраняющееся и развивающее себя весьма длительное время (в определенном смысле пожизненно).

** Р. Хатчинс был президентом, а затем канцлером университета Чикаго в период с 1929 по 1951 г.

вание из университета в отдельные колледжи и институты *.

Здесь было бы уместно вспомнить еще одного видного мыслителя, пожалуй, впервые отчетливо и систематично размышлявшего над идеей университета. Это Дж. Г. Ньюмен, ректор католического университета в Дублине, книга которого «Идея университета» (издана в 1855 г.!) получила мировую известность. «Если бы меня попросили разъяснить, насколько это возможно кратко и популярно, что такое университет, – писал Дж. Ньюмен, – я бы вывел свой ответ из его древнего наименования – „studium generale“, или „школа универсального обучения“. Задача такой „школы“ заключается в сведении „в одном месте“ множества людей со всех частей страны с целью обеспечения „свободной циркуляции мысли посредством личного общения“» (цит. по [1, с. 40]. Университет понимается как место для свободного общения умных людей, не обремененных расписанием, а также экзаменами и зачетами.

Исходя из сказанного, базовое противоречие можно сформулировать так: поиски научной истины или/и образовательные услуги. Эту ситуацию описывает конфликт между направленностью руководителей университетов и лидеров академического сообщества либо на научные исследования, либо на образовательные программы. На этот потенциальный конфликт указывают, в частности, Уильямс и Фрай [9]. Они отмечают, что основная дискуссия разворачивается по поводу приоритетности той или другой

---

* Кстати, когда Хатчинс стал президентом Чикагского университета, тот был крупнейшим и авторитетнейшим в США. Оставил же он его значительно обнищавшим и помельчавшим: проведенные им реформы лишили университет популярности, а вместе с тем и финансовой поддержки со стороны государства и частных лиц.

функции университетов, равно как и вокруг рекомендации по конвергенции научных исследований и образовательных программ. Традиционное возражение, стремящееся объявить это противоречие несуществующим, формулируется как утверждение, что «нужно быть и умным, и красивым». Оно реализуется как в ритуальных требованиях научной активности лекторов, учитываемой фактами (или актами) публикации, так и в рекомендациях включать в списки исполнителей по научным темам некоторое количество студентов.

Но на деле можно встретить мало реальных хороших решений этого противоречия, видимо, в силу того, что наука и образование имеют разные цели, а модусы * личности, соответствующие этим видам деятельности, весьма различны. Цель науки – поиск нового знания и опровержение или ограничение известных теоретических моделей. Цели же образования (особенно профессионального) – воспроизводство и освоение эффективных схем мышления и объяснительных моделей в ходе специально сконструированной и организованной деятельности. Слияние возможно там, где идет обучение исследовательской деятельности. Тогда осваиваемые культурные формы деятельности совпадают с совместно осуществляемой ученым-преподавателем и помощником-студентом деятельностью. Но поскольку университеты помимо традиционной академической задачи воспроизводства начинающих схоластов сегодня в основ-

---

* Под модусом мы понимаем особое, устойчивое состояние личности, если угодно, конфигурацию личностных свойств. В отличие от типа, быть представителем которого личность обречена, понятие модуса несколько более оптимистично предполагает способность человека переходить из одной роли (и личностной конфигурации) в иную, достаточно отличающуюся.

ном занимаются подготовкой специалистов, т. е. людей способных решать проблемы в конкретных областях человеческой активности, им приходится считаться с тем, что схемы деятельности специалиста и схема научного поиска существенно различны.

Это постоянный источник внутренних напряжений, создающий поле конфликта интересов и различных видений миссии и задач университетов. Для иллюстрации этой общей проблемы обратимся хотя бы к такому вопросу, как финансирование университета. В 2001 г. бюджетное финансирование КубГУ покрыло не более половины реально затраченных средств. Вторая половина, собственно и обеспечившая все элементы развития от замены разбитого унитаза до функционирования Интернет-центра и зарубежных стажировок преподавателей, была создана различными направлениями внебюджетной активности университета. Можно указать на соотношение вклада научных исследований и образовательных программ во внебюджетные доходы университета: наука обеспечивает до 20 % доходов, получаемых университетом помимо бюджетного финансирования, образовательные программы дают остальные 80 % средств, собственно и обеспечивающих развитие всего университета *.

Это соотношение может меняться, но, по нашим оценкам, его характер типичен для региональных университетов. При этом содержательным проблемам развития образовательных программ и технологической стороне образовательного процесса администрация университета уделяет столько же внимания, сколько Сталин уделял колхозному крестьянству в период индустриализации.

---

* Соотношение рассчитано нами по данным, прозвучавшим в отчетном докладе ректора.

Второй иллюстрацией может быть тот традиционный ценностный конфликт двух знаковых ролей в университетском сообществе, с которого начинается эта статья. Одно из следствий традиционного академического самосознания сдержанно негативное отношение к управлению в высшей школе и к управлению в целом как социальной функции. В неписаной табели о рангах администрирование в науке и высшей школе стоит заметно ниже академических достижении. С этим связан и ряд действующих предрассудков, которые, как показывает обзор источников, свойственны не только России (см., например, [8]). Главный из них формулируется так: любой ученый сам по себе настолько умен и оснащен научным мышлением, что для него не составит труда справиться с управлением. Отсюда, видимо, идет упорное игнорирование нашей высшей школой сложности управленческого труда: как правило, большинство управленческих позиций в университетах занимают по совместительству преподаватели и научные работники, в связи с чем высшее образование является второй после законодательной власти отечественной отраслью, принципиально руководимой дилетантами. И следствие – занятие административными функциями в научном или образовательном учреждении есть признак подозреваемой сообществом научной неполноценности или этической порочности. Это довольно близко напоминает лагерную социологию, где основные ценности зоны поддерживались неработающими (и в этом смысле благородными) ворами, а управление обеспечивалось сотрудничающими с администрацией суками.

Итак, несмотря на погруженность в стремительно меняющийся мир и значительный аналитический и рефлексивный потенциал академического персонала, управление

в университетах оказывается традиционно слабым звеном. Особенно это относится к ситуации постоянной трансформации университета в меняющихся внешних условиях. Этот недостаток можно рассматривать как латентное следствие достигнутой университетами автономии и независимости в организации собственной деятельности. Сложившееся среди части академической элиты убеждение в том, что наука не предполагает иного источника целей кроме собственного любопытства исследователя и вызова, бросаемого ему противоречиями в теории, ведет к декларации непрактичности науки и игнорированию запросов внешнего мира. Свобода в выборе тем научного исследования ассоциативно связана в академической ментальности со свободой от интересов рынка услуг. Сотрудники университетов, несомненно, ощущают на себе воздействие перемен, ведущих к увеличению нагрузки, изменению финансирования, появлению новых стилей и методов работы, однако у них редко возникает желание предпринять серьезный пересмотр своих ценностей, задач и сценариев будущего развития организации. Изменения, происходящие в высшем образовании, все еще воспринимаются многими как раздражающее вмешательство внешнего мира «профанов» в мир высшего образования.

Одновременно нужно констатировать, что технология информационного обмена и технология получения знаний продолжают развиваться с такой скоростью, что позиции традиционных университетов, сосредоточивавших в себе авторитет полноты знания и идейной власти, могут быть поколеблены. Если практика сегодня работает с технологиями, которые лет на десять опережают добротное университетское знание, то ценность университетского обра-

зования действительно может быть сведена только к некоей общекультурной функции.

Между тем единственная возможность для университетов ответить на вызов меняющегося мира и сохранить в нем свои позиции – это резко увеличить способность к управлению и адаптации, что предполагает перенос внимания на способы образовательной и научной деятельности и возможности их оптимизации. Научные сотрудники и профессора университетов будут вынуждены взглянуть на свой труд через призму требований и интересов, предъявляемых извне (обществом), с тем, чтобы объяснить его и попытаться убедить «внешние» группы в том, какой значимый вклад их образовательные программы вносят в изменение общества. Как отмечает М. Аткинс, начиная с 1990-х гг. европейские университеты столкнулись с сильным давлением общественности, требовавшей четко и ясно сформулировать и оценить свои задачи, намерения и требования к экономике и обществу [6], и прежде всего для того, чтобы обосновать целесообразность их финансирования.

Организационные характеристики, присущие образу академической профессиональной структуре, включают принятие решений на основе согласования интересов и мнений (в идеале – консенсуса); свободу в осуществлении научных исследований; признание автономии и самоуправления как в масштабах университета в целом, так и (в соответствующих пределах) его структурных частей; ограниченную статусную иерархию в сообществе, основанную на принципе старшинства и научного авторитета. Рыночная же организация требует ориентации на другие ценности, происходящие как из ценностей предпринимательского характера (харизматический характер и личный вклад

лидера, интуитивность решений и полная ответственность за их последствия, позитивное отношение к риску, нескрываемое стремление к занятию и контролю рынка услуг), так и ценностей производственного менеджмента и социально-ориентированного маркетинга (концентрация финансовых и человеческих ресурсов на наиболее перспективных направлениях развития, введение ясных управленческих процедур и технологизация образовательной деятельности, стандартизация качества продукта, предвосхищение и оформление потребностей потребителя, комплексность решения его проблем, включая допродажное исследование и послепродажное обслуживание).

Различия в организационных ценностях порождают конфликты между носителями этих двух подходов. С точки зрения последнего совершенно естественно, если задачу на создание нового образовательного продукта ставит человек, хорошо видящий развитие новых аспектов профессиональной деятельности, а не традиционный ученый, углубившийся в специализированную академическую область. В этой связи пора конституировать позиции специалистов в области исследования и прогноза образовательных потребностей и конструирования образовательных продуктов как относящиеся к верхнему уровню иерархии той общественной функции, которая именуется высшим профессиональным образованием.

Анализ проведенных исследований в области обеспечения качества образования показал, что области деятельности, связанные с повышением качества обучения и созданием внутриорганизационного видения подходов к преподаванию и обучению, подвергаются критике чаще всего. Эти области деятельности наиболее нуждаются в разработке эффективных организационных проектов. Мы делаем

некоторые шаги в этом направлении. Одним из механизмов соединения деятельности университета с развитием общества (прежде всего собственного региона) является соединение проблем региона, университетских исследовательских проектов и образовательных программ. Опыт действующего несколько лет в Кубанском государственном университете Центра поддержки местных сообществ и наши попытки внести в отечественную действительность некоторые способы работы агентств по развитию территории [4] дают представление о возможной цепочке деятельности. Первый шаг – выделение актуальных проблем территории. Далее формулируется содержательная научная проблема, решение которой позволяет создать теоретическую модель явления и определить связи, оказывающие на него влияние. Затем выполняется прикладное исследование, отрабатывающее технологические способы работы с проблемой. Разработанные решения оснащаются необходимыми дидактическими формами для конструирования образовательного курса. В итоге университет получает пакет востребованных потребителями продуктов – от принципиального решения актуальной для региона проблемы до образовательных программ, готовящих специалистов по ее практическому решению.

Например, для Краснодарского края актуальнейшей задачей является развитие курортного бизнеса (пока его вклад в бюджет края явно недостаточен). Теоретический анализ туризма как социального феномена позволяет выделить ряд личностных потребностей, реализуемых в нем. Одна из них – потребность человека в обогащении впечатлениями. Это предполагает целенаправленное конструирование среды как источника впечатлений (особая линия ис-

следования), а далее – потребность в специалистах в ландшафтном дизайне.

Если мы выделяем такую потребность человека как переживание самореализации и полноценности бытия, то получаем исследовательскую проблему моделирования общения и взаимодействия, поддерживающих переживание «значимого Я», и как образовательную задачу – подготовку специалистов в сфере личностно-ориентированного обслуживания [3].

Создание подготовленной таким образом образовательной программы означает, что мы в состоянии четко сформулировать наши представления о тех знаниях и практических умениях, которые должен приобрести студент в ходе освоения учебных курсов и которые необходимы или настоятельно желательны для его успешной профессиональной деятельности. Знания, содержащиеся в учебном курсе, могут быть описаны как некоторые теоретические модели, отображающие специализированную данной профессиональной отраслью часть реальности, и средства их создания. Кроме того, мы отдаем себе отчет в том, что учебный курс продуцирует вполне определенные и ожидаемые нами умения, имеющие специальный характер, а также способствует развитию или закреплению (тренингу) некоторых значимых общих умений. Понимание целей (ожидаемых и планируемых результатов учения в рамках курса) позволит планировать общую структуру курса, выделить текущие цели по отдельным фрагментам учебной работы и выбрать для них оптимальные формы и методы обучения.

Здесь автору приходится отставить в сторону фиговый листок объективного анализа процесса и публично утвердиться в личных пристрастиях и оценках. Наверное, нельзя выстроить университет в виде упорядоченной и целена-

правленной структуры с ответственными и разделяющими общие цели сотрудниками. Мало того, большинство аналитических описаний университетов как систем обычно устаревает уже к моменту своего опубликования. Университет представляет собой, скорее, сложную и противоречивую систему, находящуюся в тревожно-напряженном неустойчивом равновесии. Здесь присутствует множество сообществ со своими частично общими, а частично нестыкующимися интересами, тенденциями развития и личными амбициями их членов: К. Керр, президент Калифорнийского университета, еще в 1963 г. утверждал, что университет фактически сменен *мультиверситетом*: совокупностью различных сообществ (администраторов, профессоров, ассистентов, студентов, хозяйственников), развивающихся в направлении реализации собственных целей. Тогда каждому участнику академического процесса остается определить свою роль и активно продвигать ее во внутренней коммуникации системы, но при этом, на всякий случай, пропагандировать терпимость и академические свободы. Роль, которая понятна мне, и которой, как мне кажется, сегодня не достает этому хаотическому, но живому сообществу, – это организация внутренней коммуникации и продвижение маркетингового подхода к производству образовательного продукта.

Все упомянутые сообщества связаны общим «телом» университета, и преобладание (расширение влияния) одного из сообществ подвергает депрессии остальные. Их интересы всегда имеют частный характер и в определенной степени противоречат друг другу, но победа или гиперразвитие любого из них способно подорвать всю систему. Так, развитие до предела сети филиалов университета с их демпинговым образованием уже приводит к толкованию бук-

вы Г в аббревиатуре как «городской», и это, возможно, не последняя ее смысловая метаморфоза…

Мировые тенденции развития высшего образования имеют хорошо просматриваемые закономерности. Им можно следовать и осуществить их логику, оставаясь на гребне волны организационно-содержательных тенденций. Можно также топтаться на месте и продвигаться исключительно под действием и в сторону сильных толчков среды в спину. Но посмотрим на то, куда хотелось бы (или придется) двигаться. Как выглядит близкое будущее университета?

Будет расти число студентов, стремящихся получить высшее образование. Движение к преобладающему высшему образованию отчетливо обозначено: в США сегодня 85 % выпускников средних школ продолжают обучение в системе высшего образования. Вряд ли нам удастся скоро прийти к эффективной и цивилизованной модели одного большого университета на одной территории: поэтому КубГАУ, КубГТУ и КубГУ будут дублировать друг друга в подготовке специалистов и конкурировать на рынке образования. Объективно есть возможность образовать консорциум и реализовать «мягкий» путь интеграции, основанный на разнообразной кооперации, но увы, не в российских традициях делиться с соседом...

С введением системы планирования и учета работы студента в кредитах и стандартизацией содержания образования Кубанский университет будет предлагать студентам программы и курсы, сертифицированные одним из европейских университетов и признаваемые в Европе. Признание и зачет учебных курсов друг друга естественным образом объединит вузы Кубани через их студентов. Я и сегодня могу признать по академической справке предъявлен-

ный мне студентом курс клинической психологии, читанный в медакадемии доктором Косенко или курс философии, прослушанный в технологическом университете у профессора Хакуза. Но это происходит только при переводе студентов из вуза в вуз, что пока имеет характер более чрезвычайный, чем рабочий. Нас же ждет мобильность студентов, которые, опираясь на согласованные сертифицированные курсы, будут получать специальность, слушая курсы в нескольких университетах по собственному графику. Признание учебных курсов университета в Европе позволит нам претендовать на участие в мировом рынке образовательных услуг, предоставляя экономным потребителям из развивающихся стран образование стандартного качества, но более доступное по цене. Если же учесть, что кружка пива стоит в Краснодаре одну треть своей европейской родственницы, то шансы на привлечение иностранных студентов у нас определенно есть. Наличие мирового рынка образования неизбежно доведет наш продукт (учебный курс) до европейского стандарта, как в содержании, так и в технологии обучения. Учебные курсы будут модернизированы, и в первую очередь и главным образом – дидактически. Изучение английского языка сменится владением этим же языком на уровне, достаточном как для слушания, так и для чтения лекции. Странное слово «кампус» перестанет поражать наших администраторов своей экзотикой, и самый смелый из них поймет, что аудитория, комната в общежитии, библиотека и спортивный зал есть одно и то же в смысле условий и инструмента образования. Увеличится число профессоров, приезжающих в университет поработать на ограниченный срок. Пожизненная занятость преподавателя, являющаяся одновременно и социальным завоеванием, и серьезным недомоганием отечественного

образования, сменится большей мобильностью состава и более высокой (реально заработанной!) оплатой труда.

Все это, безусловно, напоминает известный в производстве маркетинговый подход к созданию рыночного продукта и не очень походит на принципы самодвижения научного знания. Но, как сказал в свое время Франклин Д. Рузвельт, прозорливым людям давно известно, что в постоянно изменяющемся мире единственный способ сохранить достойные заведения – адаптировать их к новым временам (цит. по [4]).

Библиографический список

1. Atkins M.J., Beattie J., Docrell W.B. Assessment Issues in Higher Education. Sheffield, 1993.
2. Good Practice. 1999. Sept. № 55.
3. Келс Г. Процесс самооценки: Руководство по самооценке для высшего образования. М., 1999.
4. Middlherst R. Leading Academics. Buckingham, 1993.
5. Willams G., Fry H. Longer Term Prospects for Higher Education: A Report to the CVCP. L.: Institute of Education. Sciencé Quarterly. 21(1).
6. Проблемы формирования современной российской муниципальной науки: фундаментальной и прикладной: Материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2001.
7. Кимберг А.Н. Экскурсия в бизнес гостеприимства: психология обслуживания клиента // Персонал-Микс. 2001. № 4–6; 2002. № 1.
8. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М., 1994.
9. Трубина Е. На руинах идеи университета: преподаватели против менеджеров (22.03.2001) //http://www.prof.msu.ru/ Fulbright_ Conf/36.htm.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В ВЫСШУЮ ШКОЛУ

Н. В. Андреева

В ходе осуществления Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. ищутся пути расширения доступности высшего образования, улучшения качества подготовки специалистов, повышения экономической и социальной эффективности работы высшей школы.

Установление целесообразного объема инвестиций в высшую школу невозможно без разработки соответствующих измерителей и методов определения государственной эффективности затрат на высшее образование. Именно эффективность затрат на высшее образование (как в настоящий момент времени, так и в перспективе) должна, по нашему мнению, служить критерием, определяющим объем средств, выделяемых на развитие высшего образования. Поэтому задача определения эффективности затрат на высшее образование сама по себе является важной и актуальной.

Все существующие методы определения народнохозяйственной эффективности затрат на образование можно разделить на прямые и косвенные. Первые предполагают получение (в том или ином виде) стои-

мостных оценок эффективности образования, его влияния на деятельность народного хозяйства. Вторые позволяют получить косвенную (не стоимостную) оценку эффективности системы образования путем сравнения результатов деятельности этой системы с некоторыми заданными целями общественного производства.

Сравнение требуемого и действительного уровней образования по каждой специальности показывает, насколько фактическая подготовка работающих соответствует требованиям производства. Положительной стороной данного метода является возможность количественной оценки излишка или дефицита рабочей силы с данным уровнем подготовки. Вместе с тем производство жестко детерминирует структуру образования (строгое соответствие уровня подготовки виду работы). В действительности же в каждой специальности существует достаточно широкий разброс уровней квалификации работающих. Кроме того, развитие образования может и должно забегать вперед, опережая текущие потребности экономики в кадрах высшей и средней квалификации, превосходя по своему качественному уровню технологию сегодняшнего производства.

Прямые методы определения эффективности образования различны. Методы, основанные на определении коэффициентов редукции труда, позволяют рассчитывать прирост условной численности рабочей силы, соответствующий приросту ее образовательного уровня, и на этой основе определять влияние повышения уровня образования на национальный доход. В работах ученых западных стран широкое распространение получил метод оценки эффективности образования, основанный на подсчете так называемых норм отдачи, которые исчисляются путем отнесения доходов, получаемых индивидом вследствие нали-

чия у него образования, к его стоимости. Нормы отдачи в этом случае представляют собой рентабельность «человеческого капитала» для отдельного индивида. Эффективность образования в данном случае рассматривается с точки зрения отдельной личности, желающей получить вузовский диплом.

Согласно теории «человеческого капитала», внутренние нормы отдачи не просто показывают степень эффективности затрат на обучение, но и регулируют распределение инвестиций между различными типами и уровнями образования, а также между системой образования в целом и остальной экономикой. С точки зрения отдельного индивида внутренние нормы отдачи образования действительно могут играть распределительную роль (правда, в ограниченных пределах). В частности, зная внутренние нормы отдачи по различным профессиям и нормы прибыли на физический капитал, можно вкладывать личные средства в ту или иную сферу в зависимости от того, где ожидается большая прибыль. Аналогичное поведение вполне допустимо и со стороны предпринимателей. Ведь расходы на образование совокупного рабочего (поскольку эти расходы сокращают прибавочную стоимость и увеличивают стоимость рабочей силы) должны рассматриваться ими как капиталовложения, приносящие прибыль, потому что более образованная рабочая сила способна к более сложному труду, приносящему большую прибавочную стоимость.

Для экономики в целом регулирующая роль норм отдачи не так очевидна. Различают частные и социальные нормы отдачи; первые показывают эффективность вложений в образование для самих учащихся, вторые — для экономики страны в целом. При расчете социальных норм отдачи используются полные затраты на образование, которые, как

правило, значительно превышают расходы частных лиц, поскольку государство (и это характерно прежде всего для развитых государств) берет на себя большую часть издержек такого рода. Обычно социальные нормы отдачи несколько ниже частных. Однако социальные нормы служат лишь экономическим ориентиром для государственной политики в области образования, которая должна учитывать идеологические, социальные и политические факторы. Основным недостатком норм отдачи инвестиций в образование (особенно социальных) является то, что они показывают лишь, в каком направлении надо изменять инвестиционную политику, не позволяя при этом решить вопрос, насколько следует изменить инвестиции в ту или иную сферу.

Для факторного анализа источников экономического роста необходима разработка сложных динамических модулей, описывающих взаимосвязь между отдельными факторами и процессы изменения этих взаимосвязей. Важное место в такой модели должно принадлежать фактору образования. Одновременно изменится и сама постановка проблемы эффективности затрат на образование. Смысл решения этой проблемы будет уже не в том, чтобы найти гипотетическую долю национального дохода, созданную за счет затрат на образование, а в том, чтобы оценить размер инвестиций в образование, необходимых в данных конкретных условиях для обеспечения максимального темпа роста экономики, т. е. проблема переносится в плоскость решения задачи оптимального распределения ресурсов и планирования. Подход к решению этой задачи требует анализа объективных связей между затратами на образование и инвестициями в другие сферы экономики.

Качество подготовки специалистов с высшим образованием, характеризуемое некоторым условным показателем усредненного потенциала знаний, умений и навыков, приобретенного в период обучения в вузах специалистами соответствующего года выпуска, во многом определяется объемом затрат, вкладываемых в систему высшего образования за время их обучения.

Увеличение доли затрат на высшее образование в национальном доходе страны может и не предполагать безусловного увеличения количества подготовленных специалистов. В условиях, когда уровень насыщенности народного хозяйства специалистами с высшим образованием близок к оптимальному и даже превышает его, дальнейшее экстенсивное развитие системы высшего образования будет отрицательно влиять на экономические и социальные показатели развития страны. Поэтому дополнительно выделяемые высшей школе ресурсы должны быть направлены на улучшение материально-технической базы вузов, внедрение в учебный процесс новейших технических средств обучения, на качественное совершенствование и структурную перестройку всей системы высшего образования, что в конечном итоге приведет к повышению качества подготовки специалистов, его соответствию темпам научно-технического прогресса.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

В. С. Дорофеев

Федерализм как один из краеугольных камней нашего государства подвергается очередным испытаниям на прочность. Процесс централизации (политической, административной, финансово-экономической), начатый несколько лет назад, охватывает новые сферы, в частности, управление природными ресурсами.

По договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации (п. 3 ст. III) вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами регулируются Основами законодательства Российской Федерации и правовыми актами краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга. По взаимной договоренности федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга определяется статус федеральных природных ресурсов.

В настоящее время в отношениях «регионы – центр» доминанта управления природопользованием смещается в сторону последнего, а регионам предоставляется право послушно выполнять решения федеральных органов власти.

Согласно Конституции РФ, а также отраслевым законам (Лесной и Водный кодексы, Закон «О недрах») использование природных ресурсов (водных, лесных, минеральных) является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, т. е. ни одна из сторон не может

самостоятельно и единолично решать вопросы, связанные с использованием природных ресурсов (передачей их в эксплуатацию хозяйствующим субъектам, их охраной, воспроизводством и восстановлением). Требуется как минимум согласование с другой стороной, чтобы учесть интересы, потребности и возможности всех. Больше того, совместно следует не только владеть и распоряжаться природными ресурсами, но и определять содержание, порядок и последовательность этих действий. Законодательство фиксирует это вполне однозначно, четко разделяя полномочия федеральных и региональных органов государственной власти, их функции, права, обязанности и ответственность в управлении природопользованием. Зконодательством предусмотрен еще один путь совместного решения вопросов природопользования – путь договоров, соглашений, призванных учесть интересы как российского государства в целом, так и его территорий.

Сегодня мы наблюдаем иную картину. С приходом Министра природных ресурсов РФ Виталия Артюхова принцип совместного решения вопросов (конституционно установленный) был грубейшим образом нарушен. Министр объявил мораторий на выдачу любых лицензий на изучение и добычу полезных ископаемых. Это решение не было согласовано ни с одним из субъектов федерации, не объяснено и не прокомментировано.

В настоящее время республики, края и области полностью отстраняются от управления своими природными ресурсами. Они не могут контролировать эксплуатацию природных ресурсов, устанавливать объемы сырья, подлежащего использованию, определять предприятия, достойные использовать эти ресурсы. В обоснование такой позиции МПР России издает соответствующие ведомственные до-

кументы, предписывающие все решения по вопросам владения, использования и распоряжения природными ресурсами принимать только в Москве или по ее указанию.

По приказу МПР РФ предусматривается передача права подписывать в ряде случаев (когда месторождения имеют небольшие запасы) лицензии региональным Комитетам по природным ресурсам. Принятие решений по крупным месторождениям остается исключительной прерогативой МПР РФ.

Однако в МПР России понимают определенную уязвимость этой позиции с точки зрения закона. Необходимо либо его менять (а это длительный и труднопредсказуемый процесс), либо использовать упомянутую уже процедуру заключения соглашений с каждым субъектом федерации. С принятием нового Кодекса о недрах предполагается признать утратившими силу основные законодательные акты в этой области. Суть предлагаемых министерством соглашений проста: субъект федерации передает свои полномочия в сфере владения, использования и распоряжения природными ресурсами федеральному органу исполнительной власти – Министерству природных ресурсов.

В центральной и южной России (Калужская, Рязанская, Брянская области, Краснодарский край) этот процесс, с точки зрения МПР, идет успешно. Территории, чей природоресурсный потенциал не оказывает существенного влияния на их экономику, такие соглашения готовы подписать. Иное дело регионы, где сосредоточены основные природные ресурсы страны. Именно в этих регионах МПР наиболее активно проводит политику централизации, подбирая под себя не только стратегические (нефть, газ, золото, цветные металлы), но и прочие виды сырья, имеющие территориальное и местное значение.

Таким образом, найден еще один рычаг воздействия на субъекты федерации – природоресурсный, который является очень хорошим подспорьем для воздействия административного, экономического, а в конечном счете – политического. И здесь свое веское слово должно сказать руководство нашего края.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

Мы не можем ждать милостей от природы после всего, что мы с ней сделали.
В. Коняхин

Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность.
М. Ганди

АНОНС

Уважаемые читатели!

В разделе <Журнал «Человек. Сообщество. Управление»>, расположенном на сайте факультета управления по адресу manag.kubsu.ru, можно найти архив ранее выпущенных номеров, а также полнотекстовые версии журнала, которых нет уже в продаже.

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО КОНСЕРВАТОРА

А. Б. Сазантович

Данное эссе представляет собой обобщение опыта участия в проведении фокус-групп и опросов на политические темы. Я постарался сначала выделить наиболее важные черты молодых консерваторов и соединить их в обобщенный образ, а затем осветить некоторые индивидуальные признаки. Существование последних подтверждает, что типическая модель никогда не исчерпывает всего богатства реальности.

Это дает возможность уйти от жестких теоретических концепций и непредвзято увидеть нынешнюю консервативную прослойку общества [3, с.50]. Полагаем, что партия, которая заявляет себя на рынке политических услуг консервативной, извлечет наибольшую выгоду, будучи верной не идеям блистательных теоретиков прошлого, а воззрениям рядового консерватора, одного из многих, составляющих массу.

Под молодыми консерваторами мы понимаем молодых людей (не старше 25 лет), называющих себя консерваторами. С ними проводились индивидуальные полуформа-

лизованные интервью. Если по ходу разговора обнаруживалась явная ошибочность консервативной самоидентификации, беседа прекращалась. В интервью с потенциальным избирателем-консерватором обязательно затрагивались:

1) *социальные характеристики*: семья, социальный статус, образование;

2) *мнение по ключевым позициям бытия*: какой должна быть жизнь и перспективы на будущее; взаимоотношения с государством; взаимоотношения с другими индивидами; отношение к изменениям; патриотизм; политические предпочтения и отношение к представленным консервативным силам.

Выбранный метод полуформализованных интервью, безусловно, имеет преимущества в нашем случае. Во-первых, предусмотрев в опросном листе только основные пункты, можно предоставить достаточную свободу респонденту, направляя беседу в нужное русло при помощи уточняющих вопросов. Это позволяет также задавать дополнительные вопросы и уточнять сведения при помощи косвенных и проективных вопросов. Во-вторых, существует вероятность того, что испытуемый подскажет новые значимые детали, изменит расстановку акцентов.

В интервью мы придерживались строгого порядка вопросов. Данные о семье, социальном статусе и образовании по сути представляют собой паспортичку. Краткость и однозначность ответов на эти вопросы позволила поставить их в начале опроса по следующим соображениям. От общего объема беседы это составляет ничтожно малую часть, и в условиях живого разговора маловероятно, что респондент «растратит» здесь свои внимание и участие. Кроме того, эти вопросы не вызывают напряжения в беседах с молодыми людьми. Однако, когда такая информация из-

вестна с самого начала, создается благоприятная ситуация для формирования первичных выводов и впечатлений, позволяющих управлять ходом беседы.

Теперь перейдем непосредственно к портрету. Обобщенный образ примем за норму, которую потом дополним особенностями.

Для удобства дадим персонажу имя, например, Александр. Напомню, речь идет о человеке, который сам себя идентифицирует как консерватор.

Молодой консерватор получает высшее образование в гуманитарной сфере. Его семья скорее характеризуется как интеллигентная (конечно, имеется в виду житейское понимание слова «интеллигенция). Это образованные люди с высоким уровнем культуры, что сказывается на природе нашего персонажа.

Его отличают весьма рациональные взгляды на жизнь. Самоотнесение к консерваторам показывает, что он имеет достаточно «отшлифованные» воззрения и неоднократно задумывался о своем будущем. Александр думает вести весьма спокойную жизнь, разбавленную «экстримом» ровно настолько, насколько это ему самому будет угодно. В будущем он собирается заниматься любимым делом (это, как правило, связано с интеллектуальной деятельностью), работать на себя. Упомянутое любимое дело должно обеспечивать достойное существование. Качество его труда (несмотря на то, что оно, бесспорно, будет присутствовать всегда) обязательно должно поощряться. Не исключено, что нашему персонажу предстоит сделать выбор: чем же все-таки заниматься в жизни? Это может быть обусловлено как финансовыми причинами, так и сменой интереса к роду занятий. Однако, на чем бы он ни остановился, надо

быть уверенным в выбранном пути и завтрашнем дне, знать, чем рискуешь.

Обеспечивать уверенность и безопасность должно прежде всего государство, а уж затем общество, разделяющее схожие ценности (молодой консерватор полагает, что большинство цивилизованных людей разделяет его позиции). Государство должно помогать ему своей невидимой рукой. Это золотая середина между «ночным сторожем», который лишь следит за спокойствием, бросив гражданина на произвол свободной конкуренции, и чрезмерным вмешательством. Он не может испытывать страх или замешательство при виде людей в форме, но должен быть твердо уверен в том, что они окажутся рядом именно в нужный момент. Принцип laissez-faire должен быть сведен к необходимому минимуму и компенсирован помощью и поддержкой со стороны государства. Еще одна важная характеристика в области политики – это способ формирования электоральных предпочтений. Отношения к партиям и лидерам основаны в значительно большей мере на рациональных критериях, нежели на эмоциональных. Консерватор не использует таких понятий, как «красивый» и «приятный». По его мнению, серьезная партия может участвовать в выборах и претендовать на победу только в том случае, если способна предложить хорошо разработанную и реализуемую программу.

Что же касается отношений с другими людьми, здесь мы видим следующую ситуацию. С точки зрения межличностных отношений в обществе в целом Александра следует считать индивидуалистом. Скажем, он не приемлет чрезмерной корпоративности и патронажа на уровне социума. В трудовых коллективах наличие определенного уровня корпоративных связей оценивается положительно.

Наш герой достаточно легко находит общий язык с членами незнакомой группы[1]. У него много друзей. Он без труда сходится с людьми и заводит новых знакомых.

Уместно описание и такого аспекта. Вопросы, например по поводу шума и громкой музыки в соседней квартире в позднее время суток или жалобы соседей в его адрес должны разрешаться на уровне договоренности между субъектами. Проще говоря, нужно заранее получить соглашение соседей для поздних празднований и т.п. Такой уровень разрешения подобных микроконфликтов указывает на то, что Александру вовсе не хотелось бы по поводу вечеринки в честь дня рождения в собственной квартире разбираться с милицией. Однако это подразумевает определенную степень доверия – когда «ты твердо уверен в том, что после соглашения с молодой парой, живущей этажом выше, в ночь перед защитой диссертации ты не будешь разбужен громкой музыкой».

Поскольку речь идет о консерватизме, видится важным рассмотрение такого аспекта, как отношение к изменениям и преобразованиям. Любое изменение к лучшему оценивается положительно. Причем приемлем не только эволюционный путь преобразований. Революция также возможна, если она не есть социальное потрясение. Собственно, здесь под революцией понимается не государственный переворот, а способ внесения изменений. От хорошего старого переход к новому допустим только тогда, когда понятны его преимущества и обоснован риск.

---

[1] Имеются в виду группы, расположенные в структуре социальных связей по горизонтали. Сюда нельзя, например, отнести попадание воспитанного, образованного человека в совершенно чуждую ему уголовную среду.

Еще один важный вопрос – представление о патриотизме. Речь пойдет о так называемой русской идее. Если попытаться расположить предпочтение молодого консерватора по оси национализм – великая Россия, то победит, несомненно, последнее звено. Национализм представляется Александру несостоятельным и маловозможным для России, которая, хотя и медленно, но все же движется к здоровой демократии. К тому же это явление вовсе не представляется ему решением нависших над страной проблем. Иное дело – великая Россия. Он хотел бы видеть ее таковой в будущем. Наслаждаться же всеми благами, осев где-нибудь в Западной Европе,– альтернатива недостойная.

Теперь поговорим о некоторых особенностях. Образование у консерватора – непременно высшее, их может быть и два. Высказывалось и желание связать свою жизнь с научной работой.

Далее, отношение к реальности можно охарактеризовать как здоровый прагматизм, но встречались и случаи чрезмерно материалистического подхода.

Наконец, большинство согласно с умеренной ролью государства в жизни общества, однако были высказаны и либеральные мнения, и мнения, склоняющиеся к более сильной роли государства.

Рассмотрев портрет молодого консерватора, прежде всего отметим, что приведенные воззрения существенно отличаются от идей Э. Берка. Традиция отходит на второй план и не превозносится над разумом. Консервативное мировосприятие, каким мы его увидели, не вписывается и в известную триаду традиционализм – органицизм – скептицизм [2, с. 49]. Рассмотренный нами персонаж нельзя охарактеризовать как исключительно консерватора. Его воззрения представляют скорее синтез либеральных и консервативных идей. И если

попытаться найти его место между двух идеологий, то это будет либеральный консерватизм. Термин «либеральный» здесь лишь указывает на ценностные ориентиры в целом консервативной основы [1, с.62].

Кто может рассчитывать на поддержку описанного здесь человека, те ли силы, которые обозначили себя консервативными? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Во-первых, консервативной партией в России он считает КПРФ. Почему? «Консерватизм у нас воспринимается как постоянство и нерушимость исторических форм… и другие (партии), имеющие немногим более чем десятилетнюю историю, просто не могут быть восприняты как консервативные». Однако КПРФ Александр не поддерживает. Во-вторых, будучи консерватором, более того, соглашаясь с этим, описанный персонаж более симпатизирует СПС или «Яблоку», которые хоть и не далеки от центра, но все же это не «Единая Россия», которая официально провозглашает свою доктрину консервативной. И если второе легко объяснимо, потому что воззрения нашего героя носят и либеральный оттенок, то в случае с КПРФ немного труднее. Можно предположить, что формирование такой оценки связано со стремлением Компартии (не обязательно реальным) вернуть старый режим и продолжить свою историю, многократно превышающую время существования нынешних политических партий.

При всем сказанном нельзя отрицать, однако, что такая ситуация может быть благоприятной для образования, скажем, серьезной коалиции либерально-консервативных сил. Это может быть, например, единый центристский блок, который займет свое место в спектре политических сил, долго пустовавшее в ельцинской России.

Библиографический список

1. Дурнов А., Федотов А. Либерально-консервативная интерпретация развития российского общества // Власть. 2001. № 10.

2. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д, 2000.

3. Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод? // Полис. 1998. № 5.

КОПИЛКА МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

Ничто не может быть сделано впервые – таково убеждение настоящего консерватора.
Ф. Вандерлип

Если бы Бог был либералом, вместо десяти заповедей мы имели бы десять предложений.
М. Брэдбери

Партия, которая объявляет своей заслугой дождь, не должна удивляться, когда её обвиняют в засухе.
Д. Морроу

Сведения об авторах

Арламов Александр Анисимович, канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики КубГУ

Гаврилов Александр Александрович, д-р экон. наук, проф., проректор по научной работе КубГУ.

Гребнев Леонид Сергеевич, заместитель министра образования Российской Федерации, д-р экон. наук, проф.

Грицай Валерий Викторович, канд. физ.-мат. наук, менеджер по инновационной деятельности научно-технологического парка «Университет» КубГУ.

Кимберг Александр Николаевич, канд. психол. наук, докторант кафедры общей психологии и психологии личности КубГУ.

Кольба Алексей Иванович, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и политического управления КубГУ.

Кольба Наталья Валерьевна, ведущий специалист организационно-правового отдела администрации г. Краснодара.

Костенко Константин Иванович, канд. физ.-мат. наук, доц., начальник отдела разработки информационных систем Центра Интернет.

Сазантович Алексей Борисович, студент 5-го курса отделения политологии факультета управления КубГУ.

Скобликова Евгения Владимировна, менеджер по рекламе регионального издания газеты «Комсомольская правда».

Терешина Мария Валентиновна, канд. биол. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления КубГУ

Шудренко Алексей Алексеевич, генеральный директор некоммерческого партнерства «Инновационный технологический центр «Кубань-Юг», канд. хим. наук, доц. КубГУ.

Издается с марта 1999 г. Периодичность – 4 номера в год.
Регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99

Главный редактор *Е. В. Морозова*, д-р филос. наук, профессор

Редакционная коллегия:
О. А. Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.;
Г. С. Курбатова, отв. секретарь;
Т. Т. Авдеева, д-р экон. наук., проф.;
А. М. Ждановский, канд. ист. наук., доц.;
А. А. Лузаков, канд. психол. наук, доц.;
З. И. Рябикина, д-р психол. наук, проф.;
В. М. Юрченко, д-р филос. наук, проф.

Адрес редакции:
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 404-н.
Тел. (8612) 69–95–63, 69–95–64.

Дизайн художников М. Н. Марченко, С. Г. Ажгихина.
Оригинал-макет Г. А. Литвяковой.

Подписано в печать 25.11.02. Уч.-изд.л. 8,0. Усл. печ.л. 8,2.
Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 106.

Кубанский государственный университет.
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Типография Кубанского госуниверситета.
350023 г. Краснодар, ул. Октябрьская, 25.